ТАТЬЯНА АБАЛОВА

16+

ТАЙНЫЕ ХРОНИКИ ГЕРЦОГА Э

Татьяна Абалова

Тайные хроники герцога Э

Серия «Тайные хроники Рогуверда», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67957521
SelfPub; 2023

Аннотация

Ну вот как умудрилась? Сначала попала в чужой мир, спасла от убийцы мальчишку, оказавшегося опальным принцем, потом на три года застряла в монастыре, чтобы «вернуть память», которую и не теряла, а теперь тащусь за армией, прикинувшись монахом, пишущим летописи. Уж лучше бы не выручала мальчишку, устроившего мне развеселую жизнь: за спиной разъяренный жених, от которого прячусь, впереди на коне бравый полководец – мечта любой девицы на выданье. И как быть? Продолжать искать дорогу домой или… утонуть в глазах ироничного герцога Э? Книга входит в цикл "Тайные хроники Рогуверда"Вторая книга цикла "Конд Корви. Его Невозможное Величество"

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 29
Глава 4 42
Глава 5 54
Глава 6 67
Глава 7 80
Глава 8 93
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Татьяна Абалова
Тайные хроники герцога Э

Глава 1

«Дорогая сестра! Пришло время отдавать долги. Жду тебя 23 дня сего месяца на постоялом дворе «Хромая утка», что находится на Тергенском тракте. Найди способ тайно покинуть монастырь. Одежду подбери неприметную, а обувь крепкую, но не новую. Я на месте объясню причину своих требований. Любящий тебя Конд».

Я перечитывала и перечитывала сообщение, и все внутри меня холодело.

«Пришло время».

Вытерла капельки испарины, выступившие над верхней губой, и беспомощно оглянулась на парапет колокольни. Там в ожидании корма толкались голуби. Они вертели головами, заглядывали в глаза и не понимали причины задержки утренней трапезы.

«Время пришло».

Целых три года я готовилась услышать эти слова, а теперь ощущала себя так, словно собиралась прыгнуть в воду с высокого обрыва. Что ждет меня в незнакомом мире? Выживу или погибну вместе с тем мальчиком, о существовании ко-

торого даже не подозревала, пока не увидела его стоящим на коленях. И занесенную над ним секиру.

На самом деле мое имя вовсе не Адель Корви, и уж тем более я не дочь знатного вельможи, погибшего при захвате дворца иноземцами.

Я Аня. Аня Кротова. Девочка, которая влетела в беду со скоростью лифта, распахнувшего двери совсем не на том этаже.

***

Этот день с утра как–то не задался. Сначала я опоздала в школу из–за спущенного велосипедного колеса. Мы с бабушкой не из тех, кто имеет лишние деньги: ее да моя пенсии – вот и весь достаток семьи Кротовых, поэтому моим основным средством перемещения по городу был велосипед. Бросить бы его и добежать, но после школы я собиралась к репетитору, оттуда в магазин, и пешком я просто не управилась бы.

Волнение бабушки я заметила сразу, как только поставила пакеты с продуктами на пол. Она встретила меня в коридоре. Мяла фартук и беспрестанно поправляла волосы.

– Елена заболела. Ты не могла бы отвезти ей лекарства? Ее домочадцы уехали на юг. Бархатный сезон…

Я, устало вздохнув, стащила с плеча рюкзак. Идти никуда не хотелось.

– Что с ней?

– Спину прихватило, – бабушка торопливо достала из кар-

мана фартука небольшой пакетик с тюбиком и пачкой обезболивающего пластыря.

Я опять вздохнула, только представив, что лифт в высотном доме, где живет бабушкина подруга, сломался. Топать на восьмой этаж то еще удовольствие.

– Ты уж помоги. Сама знаешь, она для нас в лепешку разобьется.

Я знала. Елена Сергеевна нашла для меня репетитора за символическую цену, и я сильно подозревала, что остальное она доплачивает из собственного кармана.

– Натри ей поясницу, напои чаем. И вот еще. К чаю. Сама тоже поешь.

Бабушка сняла с ручки двери заранее приготовленный пакет с контейнером.

– Что там?

– Пирог с вишней. Елена любит.

Я тоже любила. Наличие пирога скрасило задание и значительно подняло настроение.

Но именно пирог, давший ощущение той степени сытости, когда глаза сами по себе закрываются, а по телу расползается лень, и сделался причиной моей невнимательности. Я поняла, что нахожусь не там, только когда двери лифта распахнулись в полную темноту, а я автоматически сделала в нее шаг. Осознав, что уехала на минус первый этаж, я развернулась, но наткнулась на стену без каких–либо признаков лифта. Ни горящей стрелки «вверх», ни гладкого метал-

ла двери. Кругом камень.

– Не может быть, – произнесла я. Сытая истома моментально слетела. Я точно безумная шарила руками по цельной стене, но после сотой попытки найти хоть какую–то щель, осознала, что нахожусь в тупике. В каменном мешке, откуда только одна дрога – вперед, в такую же темноту.

Еще большее отчаяние охватило меня, когда я поняла, что оставила телефон в рюкзаке, который так беспечно скинула под ноги бабушке. С собой были лишь велосипедный шлем и коробочка мятных драже в заднем кармане джинсов. С таким вооружением я и отправилась в мир, где шла война.

***

– Перфесто мане! Мане! – ломающийся мальчишеский голос, наполненный смертельной тоской, несущийся оттуда, где брезжил свет, всколыхнул во мне все чувства. Кровь прилила к лицу. Я услышала, как грохочет сердце и попыталась унять дыхание. Мне казалось, я дышу как загнанный бык: тяжело и шумно. – Вигаро дольвиче мэср Корви! Сурале Конд Корви!

Я осторожно выглянула из–за угла и не сразу оценила трагичность происходящего. Просто не могла поверить, что передо мной не театральная сцена, а реально происходящее событие, где закованный в латы рыцарь замахнулся секирой над согнувшимся пополам мальчишкой. Дрожь тонких пальцев, обхвативших голову, обреченный взгляд из–под челки и капающая из носа кровь, что запачкала белизну ворота,

отрезвили и заставили меня ужаснуться.

Стоящий вполоборота воин был безобразен – искаженное ненавистью лицо иным выглядеть не может. Он походил на дикого борова, на которого кому–то вздумалось напялить железо. Мой взгляд выхватил торчащие из–под шлема рыжие волосы, огромные наплечники, сложное плетение кольчуги. Ее нижний край раскачивался и задевал кроваво–черное пятно на штанах. Наверняка мальчишка не первая его жертва.

И в противовес всему этому грубому, жесткому, словно высеченному из камня, стоящий на коленях хрупкий подросток. Грязь и копоть не смогли скрыть ни благородных черт, ни дорогой одежды. Отчего–то бросились в глаза белые чулки и обувь из мягкой золотистой кожи. Рядом с исполинскими сапогами скорченная фигура юнца в изящных туфельках гляделась раздавленным цветком.

– Мане, мане, – голос жертвы ощутимо утратил краски. В нем уже не слышались отчаяние и страх, что подтверждало страшное – мальчик приготовился к смерти.

Я не из робкого десятка. И далеко не нежный одуванчик. Могла постоять за себя, иначе не выжила бы в школе, где травили слабых, но сама не ожидала, что посмею вмешаться. Речь не идет о холодном расчете, где оценены сила и ситуация. Тут скорее горячность юности, сопереживание и гневный порыв, о котором зачастую говорят, как о величайшей глупости.

Рука сама потянулась к каминному щиту, где находилась стойка с совком, щипцами и какой–то острой штуковиной с крюком на конце. Швырнув велосипедный шлем в великана, который, кстати, легко его поймал, хотя за секунду до того не подозревал о моем существовании, я добилась того, что физиономия убийцы вытянулась от удивления. Не стала дожидаться, когда он выйдет из состояния «остолбенел», пялясь на невиданную штуку, попавшую к нему в руки, а замахнулась и вонзила острый крюк туда, где тело не было защищено кольчугой либо грубой кожей сапога – под колено.

И завизжала, когда загромыхал железом осевший от боли рыцарь. Он еще пытался подняться, опираясь на топор и изрыгая проклятия, но подросток быстро оценил неожиданно подоспевшую помощь, вскочил на ноги. Цапнув меня за руку, потащил куда–то в недра замка.

Он что–то лопотал на своем языке, я же летела за ним, все еще не веря, что у меня не только получилось отвлечь убийцу, но и остаться живой. А вдруг бы промазала или не пробила грубую ткань штанов? Я точно наяву видела, как удивленный рыцарь выхватывает из моих рук «гарпун», а потом сжимает кулак в невозможно больших железных рукавицах и бьет этой махиной мне по голове. Я определенно должна была погибнуть на месте, а вместо этого неслась следом за мальчишкой, словно пугливая мышь, надеющаяся найти выход из лабиринта.

В одном из тупиков подросток нажал на крюк подсвечни-

ка, и массивная стена отъехала в сторону, пропуская нас в пахнущее сыростью и нечистотами подземелье.

Мы скатились по высокой лестнице, которая будто по волшебству осветилась, и рухнули на влажный песок у ее основания, неосознанно приняв ту позу, которая не позволила бы врагу подобраться к нам незамеченным – мы сели спиной к спине. Я чувствовала, как тяжело дышит мальчишка, а он в полной мере ощущал, как я хватаю ртом воздух, пытаясь унять грохот сердца.

– Везели почи. Сурале Конд Корви, – он пихнул меня плечом и повторил. – Конд Корви.

– Я не понимаю, что ты говоришь.

Мальчишка резко обернулся.

– Вегозе?

– Совсем не понимаю.

– А лире Конд Корви, – он переместился так, чтобы быть лицом ко мне и стукнул себя ладонью в грудь. Затем его палец направился в мою сторону. – А юне?

– Я Аня Кротова, – я поняла, что следует представиться. – Аня Кро–то–ва.

– Мане, – подросток решительно тряхнул головой. – Мане Аня Кто–то–ва. А лира Адель Корви. Адель Кор–ви.

Его указательный палец несколько раз настойчиво ткнул меня в грудь. Я потерла то место, где как пить дать появится синяк.

– Адель Корви. Юне Адель Корви, – мальчик хмурился и

повторял одно и то же.

– Ты хочешь, чтобы я называла себя Адель Корви?

– Вега.

Прислушавшись к тишине, Конд поднялся и наскоро отряхнул колени.

– Сордо не форо. Сордо, – и помахал рукой, призывая следовать за ним.

– Ну сордо так сордо, – согласилась я, чем неожиданно заслужила улыбку своего спутника. Он повел меня куда–то вглубь подземелья, где света уже не было, но мальчишка прекрасно знал путь и ни разу не остановился, чтобы сориентироваться. Мы перешли вброд подземную дурно пахнущую речку. Кеды хлюпали и сползали с ног. Пришлось остановиться и крепче завязать шнурки, сделавшиеся склизкими. Я вытерла руки о джинсы, но ощущения чистоты не прибавилось.

Позже новоявленный сталкер оставил у меня у подножия еще одной лестницы, где вновь зажглись огни. Скорее всего, они загорались для того, чтобы рискнувший воспользоваться лестницей не свернул себе шею. На этот раз мальчишка не сыпал словами. Просто прижал ладонь к моему рту, показывая тем, что я должна сидеть тихо, а сам сноровисто забрался наверх. Бесшумно отодвинувшаяся стена отрезала меня от верхней части замка. Я приготовилась ждать.

Я в полной мере осознавала, что нахожусь в незнакомом мире, только что сделалась врагом убийцы в латах, приобре-

ла единомышленника, правда, непонятно какой степени надежности, поменяла имя – судя по фамилии Корви, я сделалась одной из родственниц мальчишки, а теперь сижу и жду непонятно чего. Где–то в замке, полном таинственных ходов, есть дверь и в мой мир, но самостоятельно ее мне ни за что не отыскать. Я была отрезана от реальности незнанием местного языка и отсутствием понимания цепи событий, приведших к трагедии, а потому не видела иного выхода, как довериться подростку.

Я выдохнула с облегчением, когда он вернулся. Я уже потеряла счет времени.

– Сордо, – спустившись с лестницы, Конд поманил меня рукой.

Мы вновь неслись по сырым коридорам, распугивали топотом крыс, плыли рядом с ними по зловонной реке, и я не видела конца и края нашему забегу. Когда я начала все чаще спотыкаться, подросток подставил щуплое плечо. Удивительно сильный он протащил меня последний отрезок пути чуть ли не на себе. Я поняла, что мы у выхода, когда в лицо ударил морозный воздух. В неизвестном мире царила зима.

У распахнутой решетки нас ждал закутанный по самые глаза мужчина. Подхватив меня на руки, он молча побежал к стоящей в тени разрушенной стены карете. Запихнув меня в нее и убрав ступеньку после того, как в повозку запрыгнул мальчишка, мужчина лихо взобрался на облучок. Я видела, потому как пыталась открыть дверь и выбраться наружу.

– Меди тер! – Конд вцепился в мою руку и с силой дернул назад.

– Ты не понимаешь, мне нельзя уходить! Там дверь в мой мир!

Сказал бы кто, что после того как мы покинем замок, Конд засунет меня в монастырь, и долгих три года мне придется притворяться девицей не только потерявшей память, но и способность говорить, не поверила бы.

Карета подскакивала на ухабах, а я второпях переодевалась, вытягивая вещи из мешка. Его принесли заранее и специально для меня, потому что лежащая в нем женская одежда оказалась впору.

Мальчишка настойчиво требовал внимания, желая, чтобы я осознала важность момента и подчинилась его приказам. Не видя иного выходя, я покорно соглашалась. Перед тем, как покинуть карету, он в последний раз наложил на мой рот ладонь и устрашающе полыхнул взглядом.

– Я поняла, буду молчать, – произнесла я и в доказательство прижала палец к губам. До этого Конд дважды заставил меня смотреть пантомиму, где изображал трепещущую от страха девицу, ее падение в обморок, и ужас, что она потеряла память – мальчишка бил себя ладонью по лбу и растерянно пожимал плечами. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Я последовала его совету и предстала перед монахинями малахольной девицей, забывшей все, что только можно за-

быть, но чудом оставшейся в здравом рассудке.

Я наблюдала, как из кармана Конда перекочевал к настоятельнице тяжелый кошель, а она поторопилась его открыть, чтобы убедиться, что плата за мое пребывание в обители достойная, и как на стол легли бумаги, удостоверяющие мою личность. Наверное, что–то вроде паспорта, заверенного несколькими печатями, одну из которых особенно тщательно рассмотрела приглашенная в кабинет монахиня. После ее утвердительного кивка, взгляд настоятельницы сделался более мягким. Но тем не менее, она с особым тщанием ощупала каждую пядь моего тела, заставила оголить плечи, и недовольная чем–то с упреком посмотрела на Конда, а он вновь произнес непонятную мне фразу.

Настоятельница не постеснялась даже заглянуть под юбку, и я порадовалась, что не выдала себя как чужеземку. А в карете злилась, когда Конд заставил расстаться не только с курткой и джинсами, но даже с любимым спортивным комплектом – трикотажным бюстгальтером и трусиками, в угоду тонкой нижней рубашки, надетой на голое тело.

Категорическое «мане», что означало то ли «нет», то ли «нельзя», подтвердило – Конд не просто забыл прихватить из замка нижнее женское белье, а полное его отсутствие в этом мире, в чем я доподлинно убедилась чуть позже, когда и в монастыре мне не выдали ничего похожего на панталоны, которые, как я думала, носили во времена рыцарства.

Прощальные объятия, успокаивающее похлопывание по

спине и обещание писать – последнее новоявленный родственник опять показал с помощью жестов, вызвали реки моих слез. Я расставалась с человеком, который точно знал, что я не Адель, и наверняка был способен показать дорогу в мой мир. По тому, как легко он ориентировался в замке, я ни минуты не сомневалась, что Конд Корви мой билет домой.

После его ухода я билась в самой настоящей истерике, которую монахини пресекли жесткой пощечиной и насильственным вливанием в рот горькой жидкости. В себя я пришла от боли в плече. Взвизгнула, нащупав повязку под рубашкой до пят. Не удержалась и скинула ее с себя. Плевать на наготу и протесты настоятельницы, я должна была видеть, что со мной сделали. Прилипшая к телу окровавленная повязка заставила застонать от страха и боли, но я отодрала ее. Шрам был ужасен. Стежки, которыми меня зашили – безобразны. Я заплакала, когда по руке потекла струйка свежей крови.

«Я никогда не вернусь домой прежней».

Много позже, когда вполне освоила местный язык, я поинтересовалась у прикрепленной ко мне монахини, а после и преданной подруги – сестры Басилии.

– Что со мной тогда произошло? В мой первый день в монастыре.

– Ты расшиблась, когда потеряла сознание, – охотно отозвалась Басилия. – Хорошо, что рубец небольшой и не виден под одеждой. Хуже было бы, если бы ты ударилась головой.

Рана так сильно кровоточила, что нам пришлось шить ее.

Шок от того, что я попала в неизвестный мир, вынуждена молчать, дабы не выдать свое иноземное происхождение, и полное отсутствие знаний, смогу ли выбраться – все это вылилось в слезы и бесконечные попытки куда–то бежать. Здравый смысл оставил меня. Я рвалась домой, и монахиням потребовалось невероятное терпение, чтобы справиться с разбушевавшимся подростком. Они нашли другое решение, более простое: в меня насильно вливали снотворное, и первые несколько дней пребывания в монастыре просто стерлись из моей памяти.

Глава 2

Прошел год. И я сама смогла отвечать на письма, которые регулярно получала от Конда. Через них он пытался понять, как идет освоение языка и «возвращение памяти».

Монахини считали такое общение полезным. Кто как не брат напомнит о годах, проведенных вместе? Письма, смысл которых я пока постичь не могла, угадывая лишь сложный росчерк в конце текста, указывающий, что пишет их один и тот же человек, до поры до времени складывались в пачки, перевязывались лентами и уносились на хранение к настоятельнице. Лишь много позже я поняла, для чего принимались такие меры предосторожности. Но когда пришел срок, и я уже сносно читала и писала, мне вручили их вновь, и я с головой окунулась в описание чужой жизни. Не скрою, я все время пыталась отыскать между строк намек на то, что же на самом деле произошло с настоящей Адель Корви, почему Конд не побоялся назвать незнакомку сестрой, и почему живая Адель так важна для него.

Первые письма оказались просты по содержанию. Брат задавал нехитрые вопросы и тут же отвечал на них.

«Дорогая сестра, надеюсь, ты помнишь, что родилась зимним вечером Студеного года, как раз перед праздником Святого Хельгерта? Если нет, то теперь знаешь. Прими мои поздравления. Верю, что здоровье твое как всегда крепкое.

Иначе и быть не может. В тот год, когда ты осчастливила мир своим появлением, снега навалило столько, что повитуха до особняка так и не добралась, и роды принимала старая нянька Мальдира. Папа, как он потом рассказывал, едва не поседел от страха, но несмотря на выверты судьбы, вы обе – ты и мама, выжили. Если посчитать, то с тех пор прошло ни много ни мало семнадцать лет».

Я подняла глаза к потолку. Выходило, что Адель была на два года старше меня, Ани Кротовой. Если на момент получения письма мне было пятнадцать, то ей как раз стукнуло семнадцать.

В другом письме находчивый Конд спешил успокоить относительно внешности сестры и степени нашей схожести. Я сильно переживала, что кто–либо, знающий Адель близко, раскроет мое самозванство.

«Ты всегда обладала чудесным цветом волос, который мама называла золотистым каштаном. В этом мы с тобой пошли в отца – мои лишь чуть темнее. Очень надеюсь, что обрушившаяся на нас беда не посеребрила их. Знаю тому кучу примеров. Но даже если подобное случилось (природа любит пошутить), не отчаивайся. Помни, мама многое тебе позволяла, хотела, чтобы ты выросла свободным от чужого мнения человеком, но единственное, что она никогда не одобрила бы – это то, что ты закрыла короткой челкой лоб. Исправь дерзкую вольность, которую ты допустила в качестве юношеского протеста, отрасти волосы так, чтобы они были

одной длины. Пусть мама на небесах, но уверяю тебя, она была бы рада, если бы ты вновь вернулась к тому, что делает из тебя утонченную леди».

– Все понятно, дорогой братец, – я прервала чтение, вынося из письма несколько полезных сведений. Первое, в этом мире я сирота, и никто, кроме Конда не сможет доказать, что я не являюсь Аделью Корви. Второе, его сестрице было свойственно бунтарство и вольнодумие, он прямо намекает на это. Ну и третье, мне, как истинной леди, следует открыть лоб, а не занавешивать его прямой челкой, к которой я привыкла чуть ли не с детства.

Хорошо, что в монастыре не принято ходить простоволосой, и мало кого интересует, какой длины локоны под накидкой. Для монахинь было бы лучше, если бы я вовсе откромсала их, но я упорно твердила, что не создана для вечного служения богу. Конечно же я скрывала, что имею четкую цель: дома меня ждет бабушка. Так что для выхода в свет (а я верила, что рано или поздно он состоится), я должна быть готова предстать в подобающем для общества виде.

В следующем письме Конд погасил мои сомнения по поводу несхожести черт с настоящей Аделью.

«Какой бы ты ни была хорошенькой в детстве, с возрастом мы все меняемся, и может так случиться, что люди, прежде знакомые с тобой, перестанут тебя узнавать. Самое главное, чтобы ни произошло (вдруг у тебя вытянется нос, сделаются шире скулы или густо покроется веснушками лицо), те-

бя всегда можно будет узнать по зеленым глазам и кроткому взору».

Фух! Не могу сказать, что взор мой кроток, но глаза точно зеленые. Выходит, единственного совпадения было вполне достаточно, чтобы Конд без боязни назвал меня родной сестрой.

«Я всего лишь на два года младше тебя, но теперь, когда рядом с нами нет отца, я чувствую себя ответственным за судьбу любимой сестры. Уверяю, что не позволю выдать тебя замуж без моего согласия, какими бы достоинствами не обладал жених».

Выходит, на момент нашей встречи Конду должно было исполниться пятнадцать, и в реальности мы с ним одного возраста. Но сколько же разумного и даже мудрого в его письмах! Ничего лишнего, только то, на что следует обратить внимание.

Но отчего вдруг он упомянул возможное замужество? Неужели тому есть предпосылки? Мне стоит начинать волноваться? А может, это намек, что мне ни в коем случае не следует соглашаться на уговоры монахинь и не оставаться в монастыре, так как меня ждет светская жизнь?

«Не позволю выдать замуж без моего согласия». А что, могут? Или когда–нибудь он сам подберет мне мужа, чтобы решить некие политические или материальные проблемы семьи Корви? Ой, а вдруг его предупреждение связано с приходом того напыщенного индюка, случившееся где–то через

пару месяцев после моего заселения в монастырь?

Тогда я еще не разбирала местную речь, а потому подчинялась коротким командам, к которым монахини приучили меня, точно пса. Мое упорное молчание из–за нежелания выдать себя и заговорить на неведомом им языке списывалось на посттравматический синдром, отчего ко мне относились как к слабоумной, способной понять лишь простые фразы.

– Зиго хест! – неожиданное появление в проеме двери одной из сестер застало меня врасплох – я едва не выронила книгу с картинками (иную пока «читать» не могла). Отложив ее в сторону, я смиренно опустила глаза и подчинилась. Выражение, значащие «Иди за мной!», я слышала чаще других.

Сестра привела меня в комнату, где я уже была прежде – именно там меня осматривали по прибытии в монастырь.

Настоятельница сидела за большим столом, на котором, кроме бумаг, чернильного набора и объемного сундучка, куда прятались пожертвования, ничего связанного с религией не находилось. Она витала в воздухе запахом благовоний, слышалась в шепоте монахинь, непрестанно читающих молитвы, строго взирала с картин, изображающих деяния святых. В этом мире бог имел иную историю, а потому стену над креслом настоятельницы украшало не распятие, а скульптурный барельеф с изображением святой пары, держащейся за руки и взирающей на присутствующих с грустью и любовью.

Войдя в кабинет, я застала как раз тот момент, когда первая дама монастыря на вес определяла щедрость подношения. Ее благодарная улыбка была куда скромнее, чем тогда, когда за мое пребывание в тихой обители заплатил Конд. Мальчишка был расточителен.

Мужчина, который только что расстался с бархатным мешочком, живо обернулся, и я сосредоточила свой взгляд на нем.

Жаба. Я ничего не имею против амфибий, но в руки никогда не взяла бы. Вот и здесь, заметив сальную улыбку и протянутую ладонь, выражающую готовность то ли облобызать мою, то ли в порыве чувств прижать меня к объемному животу, я сделала шаг назад.

– Адель, си гурто Джовиро Корви–Дуг, – строго произнесла настоятельница.

Мое сердце оборвалось и сползло куда–то вниз. Колени подогнулись, и я рухнула на ловко подставленный сестрой стул.

«В монастырь пришел кто–то из родственников Корви! – я запаниковала. – Сейчас меня выведут на чистую воду! Боже, знать бы еще, чем грозит присваивание чужого имени! А вдруг срок? Здесь же явное средневековье, где судят абы как. Еще ненароком сожгут за вранье».

– Адель вер туче! – мужчина, чье разбухшее тело никак не гармонировало с тонкими конечностями, мягко подошел ко мне и все–таки схватил за запястье. Ласково погладил тыль-

ную сторону ладони большим пальцем – этот жест мне показался неуместным, каким–то чересчур интимным, поэтому я, зашипев, выдернула руку. Кровь прилила к моему лицу, что незнакомца несказанно развеселило. Он расхохотался, запрокинув голову. – Ту биче неррасте вохе!

«Ту биче неррасте вохе, неррасте вохе», – я мысленно пыталась заучить фразу, чтобы когда–нибудь потом понять, что сказала жаба перед тем, как потрепать меня по пылающей щеке.

На этом моя пытка закончилась. Очередная команда «зиго хест!», и я, забыв про упавшее сердце и подгибающиеся колени, словно лань, уходящая от выстрела, понеслась прочь, едва не сбив с ног стоящую на пороге сестру.

Сейчас, год спустя, я уже точно знала, что произнес Джовиро Корви. Все сводилось по смыслу к фразе: «Да она просто красавица!»

Выходило, он никогда не видел настоящую Адель? Или знавал ее лишь в нежном возрасте? Скорее всего так, иначе я не жила бы спокойно все остальное время. Конд сто раз был прав, когда предупреждал, что все мы с годами меняемся, и не стоит бояться тех, кто нас не узнал.

Пусть я писала с ошибками, и почерк был далек до каллиграфического, но я села за ответное письмо, где осторожно описала давний визит Джовиро Корви. Пусть и здесь брат поможет «вспомнить» очередного родственника.

Ответное письмо я получила лишь через месяц и не са-

мым обычным способом. Его вручили тайно. Сунули в руку, когда я с отрядом сестер отправилась на ярмарку в соседнюю деревню. Монастырь жил не только подношениями, но и собственным трудом. Отличная сыроварня, скотный двор, художественная мастерская, где не только рисовали на полотнах лики святых, но и обжигали статуэтки из глины, небольшой ткацкий цех, в котором производилась удивительная ткань, называемая «стадори», что переводилось как «жизненная сила». Пусть ткань выглядела грубой, стоила она неимоверно дорого – за метр неширокого полотна отдавали три овцы. Ткань охотно покупали старики и молодые, беременные и болезные люди, уезжающие в дальние странствия или желающие защититься от лиха, и все потому, что в нити стадори вплеталась оберегающая магия.

Я лишь раз видела и то с трудом упросила, чтобы мне показали, как одна из старейших монахинь – полуслепая, с болезненно распухшими суставами, творила волшебство, одобренное святой парой. Да, в этом мире магия делилась на светлую и темную. Одна считалась благодатью, другая злом, несущим страдания.

– В монастыре есть еще монахини, способные на такое чудо? – прошептала я, боясь нарушить чары. Поперечные нити в момент поглощения защитной магии светились, но вскоре гасли, становясь частью обычной на вид небеленой ткани. Я бы назвала ее гобеленной, если бы на ней выткали хоть какой–то цветной узор, слишком уж она была толстой и грубой

на вид.

– Нет, сестра Хосита последняя, – моя провожатая с болью и нежностью взглянула на старушку. – Жаль, ведь стадори не брезгует носить даже короли.

В общем все, что производилось в монастыре Святой девы пользовалось немалым спросом. Монахини не без гордости рассказывали, что, благодаря им, деревня очень скоро разрастется до города. На ярмарку с недавних пор начали съезжаться не только подданные Рогуверда, но и жители других королевств.

И вот именно на ярмарке, когда я принимала деньги за статуэтку Святой девы (сегодня была моя очередь стоять за прилавком монастырских художеств), мне и сунули в руку плотно свернутый квадратик бумаги. Подняв глаза, я узнала кучера, который вывез нас с Кондом из замка. Мужчина весело подмигнул, подхватил завернутую в мешковину статуэтку и скрылся в людском водовороте.

Я не удержалась и, как только уселась в телегу с нераспроданным товаром, тут же развернула письмо. Надвигающийся сумрак поторапливал и заставлял пренебречь опасениями, что кто–то из монахинь поинтересуется содержанием записки. Я воровато оглянулась и, убедившись, что соседки клюют носом, начала чтение. Повозка тряслась, слова плясали перед глазами, но я не могла не удовлетворить свое любопытство.

«Дорогая сестра! Рад, что способности к чтению и пись-

му к тебе вернулись. Нужно еще немного поработать над почерком».

Даже здесь Конд не отклонялся от нашей совместной лжи.

«Меня безусловно насторожило сообщение о внезапном визите дядюшки. Джовиро Корви–Дуг – дальний родственник со стороны отца. Еще одна ветвь некогда огромного клана Корви. Он не был вхож в наш дом, поскольку непримиримые противоречия разделили род Корви на два враждующих лагеря. Так вышло, что наша ветвь всегда цвела и плодоносила, а хиреющее семейство Джовиро поднялось только после захвата власти императором. Сильно подозреваю, что Дуги пошли по пути предательства. Однако, я думаю, что тебе ничего смертельного не грозит. Им на руку, что ты одна из Корви и не совсем пребываешь в умственном здравии. Объяснюсь: у Джовиро есть сын, который мог бы упрочить положение семьи, женившись пусть на опальной, но принцессе».

О–па! Я – принцесса!

«Живи без опасений, я предупрежу, если на твоем горизонте появятся тучи. Пока девушке не случится двадцать, никто не вправе заставить ее идти под венец. И потом, мои домыслы могут быть необоснованными. Фельстану Корви–Дуг предоставлен большой выбор невест, как ни крути, он фаворит императора. А пока продолжай проявлять признаки забывчивости, это делает тебя не опасной».

Основное, что я вынесла из письма – у меня в запасе два года, и я могу быть опасной. Ого!

Чтобы не терять время, я твердо решила заняться самообразованием. Довольно книжек с картинками, пора понять место Адель Корви в этом мире. Уж что–что, а школа и репетитор научили меня добывать нужную информацию. Жаль, что здесь нет интернета.

– Сестра Басилия, – я встала навстречу вошедшей в комнату монашке, которая по праву заслужила уважение: за неполный год она умудрилась «вернуть» мне способность читать и писать. Правда, с пошатнувшейся памятью так и не справилась, что крайне ее печалило. – Я чувствую, что в силах начать заниматься самостоятельно. Разрешите мне посещать библиотеку.

– Какие книги тебя интересуют? – в ее голосе затаилась надежда, что я захочу познакомиться с историями о божественной паре, но я не спешила укреплять мое поверхностное с ними знакомство.

– История государства и место моего рода в нем.

– Сейчас смутные времена, и многое в истории перевернуто с ног на голову, – она мялась.

Большинство книг, что прежде украшали богатые библиотеки, после переворота перешли в разряд крамольных, но я точно знала, что не все они были сожжены в соответствии с приказом императора. Неотступно живя в закрытом обществе поневоле видишь то, что не предназначено для посторонних глаз.

Не доверять дочери лорда Корви, кто долгие годы являл-

ся покровителем монастыря Святой девы и сложил голову в первые же дни смуты, сестра Басилия не могла, поэтому молча принесла ключ от той части библиотеки, которая переехала в подвал.

– Благодарю, – я присела в почтительном поклоне.

– Будь осторожна в своих суждениях. Не все, что написано в книгах, правда. Учись читать между строк.

Вот только этого мне не хватало. Я хотела ясной и цельной картины устройства чужого мира, а придется сомневаться в том, что насочиняли здешние умники.

– Спасибо за подсказку, сестра Басилия. Я верю, что всегда смогу положиться на наставления сестер и суждения моего брата.

– Скучаешь по нему?

– Да. Даже не представляю, каким он стал, – я не лукавила. – Подростки так быстро меняются.

– Ты тоже изменилась. Исчезли порывистость движений и страх в глазах. Ты стала мягче, женственнее.

– Я пребывала в ночном кошмаре, – я научилась выражаться иносказательно. – А теперь потихоньку просыпаюсь.

– Доброго утра, милая.

Глава 3

Следующие два года ушли на изучение всего того, что должна знать леди Корви. Я определенно делала успехи, и сестра Басилия не переставала хвалить меня за красивый почерк, умение декламировать стихи, вышивать крестиком и гладью, красиво двигаться под музыку и гордо держать голову. Жаль, привычные для знатных дев занятия не были способны вернуть лже–Адель память. Но теперь я хотя бы смелее ориентировалась в новом мире.

Мне повезло обнаружить в библиотеке, в той ее части, что была перемещена в подвал, огромную географическую карту. Я расстелила ее на полу и, ползая от края к краю, тщательно исследовала.

Рогуверд – так называлось королевство, в котором я оказалась, не только занимал почти весь центр материка, но и имел ряд климатических преимуществ перед соседними странами: его границы начинались далеко на севере, а заканчивались в тропическом юге.

На старательно нарисованной карте по берегу закованного во льды моря бродили животные, напоминающие наших белых медведей, оленей и… слонов. Последние походили на мамонтов, но являлись обладателями четырех бивней и светлой шерсти, как впрочем и все те, кто изображался в северной части королевства. Подобное заявление можно сделать

и о коренных жителях – довольно рослых мужчинах и женщинах: на рисунках как у тех, так и других из–под песцовой шапки свисали толстые белые косы.

Далее шла средняя полоса – равнина, в центре которой находилась столица Рогуверда Самаальд. В этой части карты густо раскинулись города и селения, леса, поля и озера. Все пространство пронизывалось сетью полноводных рек с развитым судоходством: я разглядела корабли и лодки, оснащенные парусами. Вдоль рек тянулись наземные торговые пути с кучей постоялых дворов. Смешно, но и здесь их местоположение указывалось характерным изображением ложки, что значило голодным путник не останется. То тут, то там высились остроконечные шпили замков и крепостей, перед воротами или подъемными мостами которых непременно изображался рыцарь, а иногда несколько. Некоторые на лошадях и со стягами, что, скорее всего, свидетельствовало о важности пункта и степени его защищенности.

С запада змеей вилась гигантская стена, отделяющая Рогуверд от приморского государства Хантколь. Если брать в расчет высокую стену, на возведение которой ушли века, то наверняка отношения между двумя странами нельзя назвать добросердечными. Но основная достопримечательность Хантколя меня ужаснула: он омывался морем с кишащими в нем гадами. Я даже боялась их рассматривать, настолько реалистичны были монстры. Не знаю, ладило ли с морскими обитателями само западное королевство, или его

жители не заходили в море дальше, чем по колено, но соседство однозначно нельзя было назвать приятным.

С востока Рогуверд подпирала высокая горная гряда, которая ближе к югу разрывалась на две части длинным языком пустыни. За ней карта пестрела названиями мелких государств, особенности которых я даже не попыталась запомнить. Но на обитателях пустыни я взгляд задержала и даже порадовалась, что перенесший меня лифт открылся не там. Среди песков ползали змеи, иногда двухголовые, пауки, жуки и прочие мелкие твари. Из крупных водились вараны, но размером с дракона, не менее исполинские одногорбые верблюды и еще какие–то чудища с мосластыми лапами и змеиной приплюснутой головой, вокруг которой воротником росла длинная шерсть. Дикие ихры – гласила надпись рядом с ними. Вопреки ожиданию и здесь люди оказались не похожи на тех, кто по моему убеждению живет на востоке. Смуглые да, но с толстыми черными косами и гордым взглядом американских индейцев.

Юг, если судить по карте – типичный рай. Яркость красок и цветов, лазурь моря, белый песок, скалы как куски блестящего мрамора, а на их вершинах замки. Тут художник постарался – легкость линий архитектурных решений походила на кружевную вязь. Улыбчивые девы и кудрявые красавцы в легких накидках – как представители коренных обитателей юга. Но рядом с ними все те же рыцари – знак того, кто на самом деле является хозяином Рогуверда. В круговерти кра-

сок они смотрелись так же чужеродно, как железный утюг в центре клумбы.

Как открылось позже, к карте прилагался атлас «Рогуверд со времен сотворения», где помимо описания мироустройства давались картинки покрупней. Он сделался моей настольной книгой, и я часто сверяла сведения, полученные из иных источников, с подробным трактатом и картой. Пленники обстоятельств должны знать место, где они находятся, и иметь запасные пути отступления. Я гнала от себя мысль, что могу остаться в чужом мире навсегда, но готовилась к худшему.

Разобраться в том, кто такие Корви, и почему большой род разделился на несколько ветвей, помогли книги по истории и геральдике, которые пришлось читать бегло, не заостряя внимание на мелочах. Причина вражды оказалась до обидного банальной: два родных брата влюбились в одну принцессу, но победил тот, кто стал предком Конда и Адель Корви. Второй же, оказавшись не только не любимым, но и обделенным значимым приданым, а главное, короной, которую принесла невеста, затаил злобу. Шли года, но ничего путного у него не получилось, род хирел. Но однажды пробил и его час: в Рогуверд пришел чужеземец, вознамерившийся заполучить лакомое королевство, и Корви–Дуг помогли захватчику занять трон.

Худо–бедно разобравшись с историей и географией, я попыталась разузнать судьбу настоящей Адель Корви. Но и

здесь я зашла в тупик. В книгах о ней писалось мало, поскольку она хоть и звалась принцессой, дочерью короля не являлась. Бывший властитель Рогуверда был бездетен, и в случае его смерти корона переходила… к Конду.

Глубже в суть престолонаследия и конфликта я забираться не спешила, боясь, что обилие информации, поглощаемой в короткий промежуток времени, приведет к полной сумятице в моей голове. Все–таки хорошо, что я могу отговориться простым «простите, но я не помню». Я невольно познала истину, что дуракам живется легче. Знай себе хлопай глазами и невразумительно мычи в ответ. Что с такого возьмешь? Что я и делала во время визита высокородных леди, которые заявились, чтобы оценить опальную принцессу и убедиться, что я им не соперница. Слухи о моем недуге достигли императорского двора, и не стоило сомневаться в том, кто разболтал, что в монастыре Святой девы обитает «ничего–не–помнящая–Адель».

Как я узнала из подслушанной беседы настоятельницы с монастырским казначеем, добрый дядюшка Джовир пристально наблюдал за успехами сиротки и регулярно отсылал деньги на ее содержание, что говорило «о его заинтересованности в последней принцессе из ветви Корви». Дословно.

Итак, был теплый летний день, когда вместо добровольного заточения в библиотеке, я вызвалась помочь извести ядовитый сугуч – траву, из–за которой гибли овцы. Для них фиолетовый сорняк был чем–то вроде торта, но праздник же-

лудка всегда заканчивался вздутием живота с последующей остановкой сердца.

На меня надели нечто вроде комбинезона (подол широкой юбки разделили надвое и завязали вокруг щиколоток), на ноги чулки и грубые ботинки, на голову нахлобучили соломенную шляпу, чтобы не напекло солнце. В руки, прикрытые уродскими перчатками, дабы на коже при нечаянном соприкосновении с отравой не появились болезненные волдыри, сунули наполненный жидкостью бурдюк с торчащей из него соломинкой. Ядом следовало прыскать исключительно на поганое растение, после контакта с которым оно погибало.

Холмы для выгона скота занимали значительную территорию, но немалого количества разбредшихся по ним монахинь хватило, чтобы они в своих тряпочных доспехах гляделись чайками, облепившими скалы. Бесконечные разговоры, крики и смех дополняли картину птичьего базара. Я тоже вносила посильную лепту.

– Яд замешан на магии? – я завороженно следила, как фиолетовый цветочек скручивает хворь и через мгновение оставляет лишь пепел, легко сдуваемый ветром.

– Да, иначе от этой напасти не избавиться. Через пару лет пришлось бы отказаться от разведения овец, холмы полностью оказались бы негодными.

– Я не знала, что в монастыре есть и такие умелицы. Работа с ядами опасна.

– Каждая вторая наша монахиня награждена каким–нибудь даром. Будь благословенна в веках Святая дева.

– Магические способности приобретаются с рождения или ими одаривают святые?

– Я верю, дар дается по делам, – сестра Басилия пнула политый отравой куст сугуча, и фиолетовый пепел красиво поплыл по воздуху. – У меня его нет, но я не в обиде. Лучше вообще без всяких умений, чем однажды превратиться в темного мага.

– О, и такое случается?

– Я же говорю, по делам.

Я сделала мысленную зарубку, что не стоит гневить местных святых. Пусть я нездешняя, но кто поручится, что они не следят за мной и однажды не одарят каким–нибудь темным даром, чтобы окончательно усложнить мне жизнь?

Этого знания о неусыпно бдящем оке хватило, чтобы я держала себя в руках во время памятной встречи с золотой молодежью Рогуверда. Мне страшно хотелось облить кичливых мерзавок остатками яда, а сверху обильно сдобрить ругательствами, а может, еще и пнуть вдогонку, но я сдержалась. У меня уже есть на совести рыцарь, которому я изувечила ногу. При зачатках средневековой медицины даже небольшого ранения достаточно, чтобы началось заражение крови.

– Кто из вас леди Адель Корви?

Мы, уставшей толпой возвращающиеся с холмов, с удив-

лением уставились на залетевших в монастырь птичек. Высокие лбы, струящиеся ткани сложных головных уборов, нежная кожа, тонкие пальцы, грациозность движений. Плюс ко всему яркие цветные наряды, которые и без обилия драгоценностей говорили о статусе прибывших леди. Я уже знала, что лишь высшее сословие могло позволить себе дорогую окрашенную ткань.

А тут я в заляпанных зеленью «штанах», в грубых перчатках, в видавшей виды шляпе и в повязке, закрывающей пол–лица. Под мышкой клизма с разъеденным ядом наконечником.

– Ну я, и что? – совсем не по этикету произнесла «опальная принцесса» и сдернула с лица душащую маску. И тут же скривилась от боли, забыв, что мои перчатки испачканы ядом. Я почувствовала, а через секунду и увидела, как в тех местах, что умудрилась задеть, раздуваются волдыри. Я, и без того выглядящая на фоне райских птичек не лучшим образом, теперь и вовсе походила на алкоголичку – волдыри наливались характерным фиолетовым цветом.

– На, милая, прижми, – на лицо мне шмякнули намазанную чем–то холодным тряпицу – монахини действовали оперативно. И не менее оперативно предупреждали о грозящей опасности. – И будь осторожна. Среди них дочь императора.

– Мне этого видеть достаточно, а вам? – Главарь банды красавиц выделялась пурпуром длинного плаща. Она брезгливо скорчила лицо и повернулась к своим наперсницам. –

Ни красоты, ни манер. Чудовище.

– Где ее воспитывали? – ужаснулась вторая.

– И это Адель Корви? – закатила глаза третья.

– Бедный Фельстан…

– При чем тут Фельстан? – произнесла я, борясь со слезами от испытываемой боли. Стоит ли говорить, что имя сына Джовиро Корви–Дуг мне запомнилось? Неужели и здесь братец оказался прав?

– Знал бы, бедненький, кого ему прочат в невесты.

– Я сама за него не пойду, – я вздернула подбородок выше и поправила съехавшую на бок нашлепку. – Больно надо!

Но вспомнив о здешних законах и то, что зимой настоящей Адель стукнуло двадцать, и теперь ее можно отдавать замуж, не спрашивая согласия, добавила:

– Его высочество принц Конд Корви не одобрит этот брак. Он же мне обещал. Да?

– Его опальному высочеству самому бы не расстаться с жизнью, – та, что светилась пурпуром шелка, сделала повелевающий жест, на простом языке означающий «уходим», и развернулась к воротам. Ее свита потянулась следом. Напоследок надменная дева кинула мне через плечо: – Постригись в монахини, Адель. Это лучший для тебя выход. Ослушаешься – пеняй на себя.

А я, уже забыв о волдырях и боли, хватала ртом воздух. Достаточно было сложить два и два, чтобы понять, что я дерзила дочери императора. На это указывал и властный тон,

и пурпур одежды – цвет, который носят лишь царственные особы, и поддакивание ее стада овец, и то, как быстро наши монахини скрылись в недрах монастыря. А уж если дофина опустилась до того, что приехала в монастырь посмотреть на невесту Фельстана, то я явно перешла ей дорогу.

Все. Мне не жить.

Но больше всего я переживала за брата. Что уготовано ему?

Быстро переодевшись и умывшись, я села сочинять послание Конду. Волшебный пластырь, хоть как–то облегчающий мои страдания, пришлось придерживать свободной рукой, однако предательские слезы все равно оставляли на бумаге размытый след.

«Дорогой братец! Хочу похвастаться тем, что осилила учебник истории, и теперь знаю, какое противоречие развело род Корви по разные стороны. Имя ему – женщина. Боюсь и сейчас причиной раздора станет такая же счастливица. А именно я. Сегодня я получила известие, что считаюсь невестой Фельстана Корви–Дуг. Как же ты был прав, предрекая подобную заинтересованность со стороны дядюшки! Правда, в отличие от раздора прошлых лет, в противостояние будут включены не только две ветви Корви, но и третья, весьма могущественная сторона, способная изменить расклад даже вопреки желаниям отца. В игру включилась ясноокая дофина. Как я поняла, император стоит за брак нынешнего фаворита и несчастной Адель, но решение претит вышеуказанной

дочурке. Расклад однозначно не в нашу пользу, поскольку третьей стороной может быть принято радикальное решение – мертвецы никому не мешают».

Я немножко утрировала, чтобы братец в полной мере осознал, какая нам грозит беда: скажи он «нет» и станет неугоден императору. Если же согласится на брак Адель с фаворитом, то врагом ему сделается дофина. Пусть молодая, но уже злая и могущая натворить глупостей.

Ох, мне бы выбраться из этой переделки живой, тогда бы я хоть на карачках, но добралась до замка Корви и отыскала нужный тупик! Я по камешку разберу, но заставлю раздвинуться дверцы лифта. Бабушка, милая бабушка, я так по тебе скучаю!

Я громко всхлипнула, чем обратила на себя внимание сестры Басилии.

– Болит? – она сочувственно покачала головой.

«Ну–ка, принцесса, быстро возьми себя в руки! Чего раскисла?»

Я промокнула платочком слезы и улыбнулась.

– Сестра, вы не могли бы отослать письмо моему брату?

И тут меня осенило: я никогда не интересовалась, где находится Конд Корви, и как к нему попадают письма. Почему–то то обстоятельство, что я спокойно живу в монастыре, никто меня не арестовывает и не везет в казематы, создавало впечатление, что и брату ничего не грозит. Но ведь такого не должно быть! Конд – истинный наследник Рогуверда, а по-

тому первый враг узурпатору. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы осознать простую истину. Выходит, только я заинтересована в том, чтобы «брат» жил. Как ни стыдно признать, но и мой интерес к нему не заходит далеко и заканчивается у распахнутых дверей лифта.

– О боже, как я могла? – я закрыла рот ладонью. – Я нечаянно выдала брата, когда сказала овцам, что он не согласится на наш брак с Фельстаном! Я косвенно подтвердила, что он жив!

Сестра Басилия обняла меня, погладила по взлохмаченной голове – я так торопилась сесть за письмо, что не только не расчесалась, но и не накинула на голову положенный плат.

– Ты ведь не рассказала им о письмах? – Басилия прекрасно поняла, о каких овцах я говорю.

– Нет.

– Ну тогда незачем переживать. Ты так давно находишься в монастыре, что можешь только надеяться, что твой брат жив. А когда речь идет о браке, противном душе, мы всегда хватаемся за соломинку. Моей соломинкой сделался монастырь. Может, и для тебя он станет спасением?

– Нет, это крайний случай, – я не хотела даже думать, что останусь здесь навсегда. И без того приютивший меня монастырь подвергался большой опасности. Если вскроется, что монахини знали, где прячется наследник, то полетят многие головы. – Я больше не буду спрашивать, куда вы отправляете письма. Я дождусь решения брата. Он мужчина, он за меня

в ответе.

– Вот и правильно.

И теперь я сидела на самой верхотуре колокольни, сыпала зерно для голубей и с замиранием сердца думала, как же сложится мое будущее. Удастся ли вернуться в замок Корви и выбраться в свой мир? А главное, смогу ли я безболезненно оставить брата, судьба которого еще более непредсказуема, чем моя?

Глава 4

– Матушка настоятельница, – я приникла губами к перстню с белым камнем – символу чистоты Святой девы и ее платонической любви к богу.

– Поднимись, дитя мое. Что тебя привело в столь поздний час? – голос настоятельницы был тих. Под глазами лежали черные тени – день выдался непростым.

– Я получила письмо от брата. Еще утром. Но никак не решалась подойти к вам, – я встала с колен и проследовала к дивану, на который указала матушка. Села рядом с ней, расправила на коленях балахон, который полагалось носить послушницам, к какому бы классу общества они ни принадлежали. Невзрачная одежда уравнивала, а низко надвинутый плат и вовсе делал безликими.

Россыпь подсыхающих болячек на моем лице все еще беспокоила, но повязку снять разрешили. Как мне объяснили, корочки через день–два отвалятся и следа не оставят. Это успокаивало.

Монахини и я с ними по–прежнему ходили на холмы – территория, охваченная сорняком, оказалась слишком велика, и мы боролись с сугучом то на одном пастбище, то на другом. Прочувствовав, что может случиться, если я забудусь и вновь схвачусь за открытый участок тела, я сделалась более осторожна.

– Плохие вести? – настоятельница подобралась. Горестные складки легли по обеим углам ее рта – она уже приготовилась услышать то, что ей не понравится.

– Конд зовет меня. И я без раздумий исполню его приказ, ведь я не могу ослушаться главу рода. Но меня страшит судьба нашей обители после моего ухода. Не наврежу ли я?

– Да, лорд Джовир Корви–Дуг придет в ярость, если узнает, что мы позволили тебе уйти.

Я кивнула, подтверждая опасность ситуации, и достала из кармана сложенную с несколько раз бумагу.

– Я написала прощальное письмо, которое оставлю на видном месте. Там я жалуюсь, что меня испугали угрозы дочери императора и ее неприкрытая ненависть ко мне. Что я боюсь за свою жизнь. Пусть дофина будет виновата в том, что я сбежала. А вы… Вы не сразу хватитесь меня. Завтра спозаранку все снова пойдут на холмы. Мы так тщательно заматываемся в тряпки, что порой трудно разобрать, кто работает в паре шагов от тебя. Я воспользуюсь этим. Никто не заметит, что меня нет.

– Тебе есть во что переодеться? – матушка не спешила отговаривать, значит, готовилась к подобному исходу.

– Я выстирала платье, в котором прибыла в монастырь.

– Ты его хотя бы померила? Боюсь, твоя фигура сильно изменилась.

– Да, оно жмет в груди, но я накину сверху платок.

– Эх, милая, – настоятельница поднялась и поманила меня

за собой.

Мы спустились в подвал, но свернули не в ту сторону, где располагалась библиотека, а в противоположную, что меня несколько удивило. В конце коридора находился лишь склад старой мебели и всяких ненужных вещей, которые стаскивались сюда в надежде, что когда–нибудь пригодятся.

Позвенев ключами, матушка открыла подземное хранилище – в монастыре все тщательно закрывалось. Даже в помещениях, где спали монахини, на дверях стояли нешуточные засовы. Как мне пояснили, монастырь за века существования пережил немало нападений и грабежей, и крепкие двери с надежными замками спасли не одну жизнь.

Протиснувшись между скамьями, что совсем недавно стояли в молельной комнате (я помогала снести их сюда), настоятельница протянула мне лампу.

– Держи.

Я подняла ее выше, чтобы рассмотреть огромную, в полтора человеческого роста, картину, висящую на стене. Время не пожалело ни раму, ни полотно. На рисунке с трудом угадывались фигуры согбенных людей, и лишь венец, надетый на голову Святой девы, что тянула руки к обездоленным, по–прежнему горел золотыми красками.

– Заслужившим милость да воздастся, – произнесла настоятельница и, встав на цыпочки, дотронулась до венца. За стеной скрежетнуло, и полотно отъехало в сторону.

– Потайная дверь? – прошептала я и несмело шагнула за

порог. Хлопка ладонями хватило, чтобы полыхнули магические лампы. И вновь я удивилась – зачем в подвальном помещении подобная роскошь? Светильники, дарящие голубой свет, наверху не применялись, все довольствовались живым огнем. Слишком дорого их содержание, требуется постоянная подпитка магией. – Сколько еще секретов хранит монастырь?

Ответом мне послужила скупая улыбка настоятельницы. Слов не требовалось. Мы находились в самой настоящей сокровищнице.

Я с интересом разглядывала потемневшие от времени сундуки (из–за нехватки места их пришлось сложить друг на друга), свернутые в рулоны ковры и ткани, основательные стеллажи с посудой, ларцами и подсвечниками, ряды картин в золоченых рамах и просто горы одежды. Она была всюду – висела на крюках, лежала в мешках или просто на полу.

– Здесь хранятся вековые пожертвования и то, что нам удалось спасти в смутные времена. Да, одежду мы тоже собирали. Нам она без нужды, а вот в таких случаях, как твой, может пригодиться. Вот эту, – она подошла стопке, прикрытой темным занавесом, – мы забрали из дворца. На наше счастье его не успели разграбить, подоспел ваш дядюшка. Тряпки он выкинул за ненадобностью. Правда, перед этим спорол жемчуг и драгоценные камни, если таковые имелись на нарядах. Так что, прости, но изумрудного венца, полагающегося к этому платью, у нас нет.

– Оно принадлежало моей матушке? – я затаила дыхание, расправляя подол из парчи. Моя настоящая мама, если и видела подобную одежду, то только в музее. – Вы предлагаете взять платье с собой?

– Что ты! Не стоит расхаживать в парче по проселочным дорогам. Мы выберем одежду поудобнее и не такую заметную, – настоятельница прочла записку Конда, поэтому следовала его требованиям.

Ранним утром, когда сестры отправились на холмы, я дошла с ними только до ворот и вернулась под предлогом, что забыла перчатки. Быстро переодевшись в строгого кроя платье и покрыв голову легким палантином, кайму которого украшали вышитые гладью неяркие цветы, я выбежала на задний двор, где уже ждала настоятельница.

– Ну что ж, – она придирчиво повертела меня, не забыв поднять подол и осмотреть ношенные, но вполне добротные башмаки, – не зря мы полночи возились. За дочь купца средней руки сойдешь.

Я вздохнула, вспомнив необыкновенной красоты наряды, которые мне довелось потрогать. Откопав в лежащей на полу куче серое платье и такой же неприметный плащ, что сейчас висел на сгибе моего локтя, матушка осталась довольна. Нательную рубашку позволили оставить монастырскую, а вот полагающиеся под платье юбки за одну ночь сшила сестра Басилия. Она единственная, кроме настоятельницы и ждущего меня в коляске казначея, знала, что я ухожу навсе-

гда. Поэтому прощались мы рано утром, когда она принесла нижние юбки и что–то вроде панталон, которые я попросила, вопреки здешним обычаям, сшить для меня. Широкие, они больше напоминали шаровары, но я и им была рада. Не хотелось разгуливать по незнакомому миру с голым задом.

– Наш казначей довезет тебя до развилки. Он едет в город по делам, поэтому ему не следует отклоняться от привычного пути. Если монастырскую повозку заметят на Тергенском тракте, Леохиму на допросе трудно будет выкрутиться.

– Вы думаете, организуют дознание?

– Конечно. Исчезла принцесса, могущая претендовать на престол.

– Но разве женщину допустят до правления Рогувердом?

– Не ее саму, так супруга или сыновей. Поэтому дальше тебе придется идти пешком, – матушка быстро расцеловала меня и сунула в руки узелок с провизией. Мешочек с деньгами я получила еще ночью. – Главное, никуда не заходи и не останавливайся, тогда до темна доберешься до «Хромой утки».

– А если нет? Если я окажусь не такой расторопной?

– Выбери постоялый двор побогаче. Их на тракте много. Всяких, – настоятельница смахнула слезу и постаралась улыбнуться. Выходило плохо. – Ни за что не отпустила бы, если бы не понимала, какая тебе уготована участь.

Я обняла ее. Прижавшись к плечу, прошептала:

– Я знаю. Если я попаду в руки дядюшки Джовира, то

долго не проживу. Как только рожу Фельстану наследника, участь моя будет решена. Они получат дитя королевской крови и упрочат свои позиции, а я окажусь ненужной.

– Ты всегда была умной девочкой, – настоятельница погладила меня по голове. – Даже когда малюткой приезжала к нам с отцом.

– Я была здесь раньше? – настал тот случай, когда можно было произнести «простите, я не помню».

– Да, вы довольно часто вместе посещали монастырь. Пока не произошел несчастный случай, – в серых глазах матушки светился призыв слушать ее внимательно. – На тебя упал подсвечник. Один из тех, что стоят в молельне у алтаря. Твой отец нечаянно опрокинул его.

Я не раз видела эти массивные напольные канделябры. Железные, с мраморным основанием, они по обыкновению стояли на возвышении. Мне даже довелось их двигать. И если такой упал на маленькую Адель, то просто чудо, что она осталась жива.

– Было много крови? – я уже понимала, к чему клонит настоятельница: ее рука гладила меня по тому самому плечу, на котором три года назад появился шрам.

– Много. Даже пришлось шить, – одними губами произнесла она.

Как же удивительно складывались события!

Оказывается, все то время, что я жила в монастыре, матушка знала, что к ним попала не настоящая Адель, однако

ни взглядом, ни словом не обмолвилась, что я самозванка. Взялась обучать грамоте и прочим наукам и старательно возвращала память, хотя понимала, что нельзя вернуть то, чего нет. Она даже повторила шрам как у настоящей Адель, лишь бы ни у кого, кто близко знал принцессу, при встрече со мной не возникло сомнений. С возрастом может вытянуться лицо, увеличиться нос, но шрамы, полученные в детстве, никуда не денутся.

И если до этого момента я списывала ее доброе отношение ко мне на принадлежность к королевскому роду, то теперь видела – матушка старалась не ради меня, а ради мальчика, попавшего в сложную ситуацию. Ради Конда – истинного короля Рогуверда.

То ли благодаря россыпи подсыхающих болячек, то ли из–за неприметной серой одежды, в которой я была похожа на спешащую по делам мышь, но на Тергенском тракте не обнаружилось ни одно бездельника, что пожелал бы увязаться бы за мной. Я шла так быстро, как только могла, и останавливалась лишь за тем, чтобы глотнуть из бутылки воды.

Тракт представлял собой плотно укатанную дорогу, где в оба направления сновали повозки. Идти приходилось по самому краю, и я от души наглоталась пыли. Пару раз пришлось скатиться в канаву, но то происходило скорее от испуга, чем из–за желания лихого извозчика наехать на меня. На тракте было шумно, грязно и бестолково. Особенно там, где скопление домиков порождало скопление людей. Здесь

еще и пахло отвратительно.

– Посторонись! – частенько кричали мне. – Чего вылупилась? Под копыта хочешь угодить?

В очередной раз откашлявшись от пыли и глотнув из бутылки, я огляделась. Одинаковые домики, отличающиеся друг от друга лишь степенью обшарпанности, людская суета, усиливающаяся в том месте, где есть возможность отдохнуть и перекусить – на тракте все подчинялось обслуживанию путешественников.

Вот и на этой небольшой площади шла торговая возня. Лотки со снедью перемежались бочками с водой и с чем–то еще кисло пахнущим. Уточнять я не решилась, достаточно было взглянуть, как путники прикладывались к одной и той же кружке. Чтобы так смело хлебать после опухшего от выпивки бородача или икающего старика, тара как минимум должна быть магически защищена. Но весьма сомнительно, что у каждой бочки с водой стоит по магу, или торговки пользуются каким–нибудь дорогим амулетом, а потому напрашивался определенный вывод – вот одна из причин, по которой в средневековье так быстро распространялся мор. Я уже не говорю о качестве воды. В монастыре пользовались святым источником, а я так вообще пила только кипяченую. Прихоть принцессы.

– А кому пирожков с котеей? – позвала румяная женщина, кутающая лоток с горячей выпечкой куском стеганного одеяла. Пахло так, что я захлебнулась слюной, но опасаясь

испробовать кошачьего мяса, на призыв не поддалась. Спросить же, что такое котея не решилась, боясь выдать себя с головой.

Если я ожидала шагнуть с монастырского крыльца в таинственное средневековье со всеми его чудесами, о которых читала, то сейчас, идя по пыльной дороге, была несколько разочарована. Ничего необычного вокруг не происходило. Дома как дома, без особой архитектуры и красивостей. Некоторые подворья предпочитали уединение, и с тыла их прикрывали лес или поле, другие же сбивались в кучку и жались друг к другу заборами.

Единственным развлечением, кроме рассматривания проезжающих по одиночке или целыми отрядами рыцарей и прочего люда, символизирующего дух времени, служило разглядывание вывесок, которыми украшались торговые лавки. Художники делали акцент на картинку, а не на название заведения, что было вполне понятно: они старались ради безграмотных, чтобы те случайно не попали вместо какой–нибудь харчевни в дом наслаждений.

Дома наслаждений! Особенно поразила натуралистичность их вывесок, сумевшая вогнать меня в краску. Нет, как жительница мегаполиса и давний пользователь интернета, я знала, в каких позах и какими способами мужчина может удовлетворить женщину, но видеть все это на щитах в богобоязненном обществе было неожиданно. Я, не веря своим глазам, даже замерла возле одного из таких «рекламных

щитов». Уж очень занимательно в заведении под названием «Страстный кобель» изображался групповой секс. Но не он подтолкнул меня остановиться. Третьим в группе был не человек.

Я покачала головой.

– И правда, милая, срам один, – проходившая мимо дородная тетка с корзиной яблок на локте прикрыла рот уголком платка. – До императора у нас подумать о таком безобразии не могли, а сейчас, глянь, что делается!

– Однако… – произнесла я, понимая, какие нравы царят в имперском Рогуверде. Выходит, мне еще повезло, что все три года я провела в монастыре, а не где–нибудь на улице, как обычно случается с теми, кто не имеет жилья.

– Желаете испробовать? Или только посмотреть? – неожиданно раздавшийся вкрадчивый голос заставил нас с теткой подпрыгнуть. Мы буквально понеслись от него прочь. А в спину продолжали кричать: – Псы у нас смирные. Выученные. Кобели всех мастей. Еще пожалеете, что отказались. Один раз живем!

Больше я не останавливалась. Как набрала скорость, так и летела, надеясь до ночи добраться до «Хромой утки». Благо, что в этом названии ничего крамольного не углядела. И если до встречи с «Кобелем», я еще намеревалась напроситься в какую–нибудь попутную повозку, пусть даже в телегу, то теперь сто раз подумала бы, прежде чем с кем–либо заговорить. Королевство, где свободно предлагают всякие гнусно-

сти, может порадовать еще более изощренными развлечениями, быть участницей которых я воздержусь.

Ближе к ночи, когда сумрак поглотил большинство красок, а мое «лететь» сменилось на «тащиться», жару вытеснил холодный ветер, и мне пришлось накинуть на себя плащ. Желудок все чаще подвывал от голода – я отложила перекус из–за боязни задержаться в пути, но башмаки начали предательски путаться в подоле, что привело меня к мысли устроить привал, пусть даже на обочине дороги.

Вытянув ноги и вяло жуя кусок сыра, я посматривала по сторонам. Не хотелось заночевать в месте, где непрестанно снуют вооруженные люди, а их на этом отрезке тракта было большинство. Успокаивало лишь то, что одежда воинов имела одинаковую расцветку – сочетание темно–коричневого с охрой, что говорило о принадлежности ратников к одному отряду. Уже разбираясь в местных порядках и ценах на крашенную ткань, я смело могла заявить, что все они принадлежали одному и весьма обеспеченному хозяину.

Глава 5

По дороге я уже встречала и одиноких всадников в рыцарском облачении, и небольшие отряды, одетые и экипированные кое–как, включая самого командира, здесь же чувствовалось наличие денег.

«Все равны как на подбор, с ними дядька Черномор». Роста у проходящих мимо меня богатырей тоже было не занимать. Хмурые и веселые, только направляющиеся в придорожный трактир или вываливающиеся из очередной «Потехи для тела», на серую мышь они не обращали внимания, что было мне на руку.

Подняться и заставить себя идти дальше оказалось затруднительно. Тело устало и начало протестовать: первые шаги дались, как столетней старухе, у которой «заржавели» суставы. Мне даже один из сердобольных воинов подал руку, чтобы я выбралась, наконец, на дорогу. Правда, в этот раз цвета его одежды несколько отличались – здесь коричневый уступил место пурпуру.

Я вздрогнула, когда поняла, что крепкую длань мне предложил представитель элитной верхушки Рогуверда. Вот уж небывалый случай, чтобы пурпур снизошел до сермяжки! Однако высокородный господин тоже не остался доволен спонтанным проявлением милосердия: мой палантин от неловких телодвижений съехал и открыл лицо. Я моментель-

но вспомнила о своих болячках и в смятении принялась извиняться. Элита брезгливо скинул с руки кожаную и наверняка дорогущую перчатку, которой дотронулся до меня, и запрыгнул на подведенного к нему коня. Эх, напугала дяденьку!

Я растеряно подняла с земли перчатку, постояла с ней, как дура надеясь, что всадник одумается и вернется, а потом сунула в свой узелок. Еще пригодится. В мире, где все мое имущество ограничивалось гребешком и запасными панталонами, любая, а тем более такая красивая вещь, будет полезной.

Чем ближе я подходила к «Хромой утке», тем выше делалась концентрация военных. Я даже растерялась, не представляя, как найду в круговерти мундиров брата. Даже предположила, что Конд, желая скрыть свое истинное имя, подался в вояки.

Остановившись на обочине, я в панике грызла ноготь большого пальца. «Хромая утка» оказалась двухэтажным зданием с довольно обширным подворьем, изобилующим подсобными помещениями. Добротным навесом выделялись конюшни, плотно заселенные крепкими боевыми конями, справа виднелся загон с овцами. Их блеяние смешивалось с людскими возбужденными голосами, отчего казалось, что я нахожусь на крупном восточном базаре. В отдельно стоящей летней кухне суетилось не менее дюжины кухарок. Оттуда неслись соблазнительные запахи.

В «Хромую утку» военной братии набилось, как тараканов в старую коробку, и я никак не могла заставить себя пройти сквозь строй болтающихся во дворе мужчин и подняться на крыльцо, где буквально пришлось бы протискиваться, чтобы попасть внутрь помещения.

– Помолимся, сестра, – просипел вынырнувший из тени монах, – за всех, кому предстоит идти на битву, помолимся.

Я устало вздохнула и медленно развернулась к нему.

Оглядев щуплого монаха, прячущегося под несуразной хламидой с капюшоном, я не сумела скрыть истинных чувств – скривилась. Вот не до молитв мне сейчас, честное слово.

– Пойдем в тихое место, сестра. Преклоним колени и поговорим. Я с богом, а ты со Святой девой, – сильные пальцы сомкнулись на моем запястье.

– Да отцепитесь вы от меня, падре!

Вот к чему сказала «падре»? Первое, что пришло в голову. Уж лучше бы назвала святым отцом или братом, как здесь принято, но под сильно надвинутым на лицо капюшоном трудно было разглядеть, молод монах или стар. Скрипучий голос подходил как одному, так и другому – одинаково противный.

– Сестра, я сказал, пойдем. Мы уже начинаем обращать на себя внимание, – тон монаха сменился на жесткий, хватка сделалась крепче. Я зашипела, пытаясь вытащить руку из его клешней. И уж было решилась звать на помощь, чувствуя, что угодила в лапы маньяка, как услышала: – Твою мать,

Адель. Хватит сопротивляться.

– К–конд?!

– Тише, бестолковая. Надвинь палантин ниже и пошли, – он повел меня в сторону конюшен – оттуда доносились топот нетерпеливо переступающих с ногу на ногу лошадей, тихое ржание и, чего уж скрывать, вонь. Если на дороге было сухо и пыльно, то здесь под ногами чавкала смесь жидкой грязи и навоза. Я закрыла нос двумя пальцами.

– Смотри, наш болезный девицу подцепил! – хохотнул один из юнцов, что разнуздывал коня. Кстати, уже знакомого мне коня. Я еще на дороге запомнила попону и ярко–красный рисунок на ней – вставшего на задние лапы льва. И недовольно швыряющего перчатку хозяина скотинки.

– На путь истинный наставлять буду, – кинул конюхам Конд тем самым сиплым голосом. – Если желаете, и вам о святых поведаю. Они покроют вас своей милостью.

Желающих на ночь глядя разговаривать о боге не нашлось – в заведении через забор запели хором. Солировали женские голоса. И заботящиеся об уставших животных конюхи наверняка предпочитали присоединиться к веселью, а не к молитвам.

– Все, больше никто не прицепится, – прошептал Конд и, достав ключ, отпер неприметную дверь на задней стороне двухэтажного здания.

Сначала я решила, что братец поведет меня черным ходом, но нет, я оказалась в крохотном помещении на одно ок-

но. Конд дождался, когда я пройду следом, и задвинул на двери засов.

– Нарочно попросил уединенное жилье, – пояснил он, зажигая однорогий подсвечник. – Ну, давай знакомиться, сестра. Давно не виделись.

И скинул с головы капюшон. От неожиданности я вскрикнула. Лицо Конда густо покрывала белая краска, и лишь полоса от уха до уха, прихватывающая глаза и нос, являла собой полную противоположность – была черной.

– Не пугайся. Я послушник ордена Света и Тьмы, а маска своеобразный символ монастыря.

– Маска? Ее можно снять?

– Нет. Тебе придется все время ходить в ней. На столе банки с красками, будешь подправлять. Раза в неделю достаточно. Она не боится воды и пота…

– Подожди, – я перебила брата. – Я буду ходить в маске? С чего бы это?

– С того, что мы с тобой поменяемся местами.

– Ты пойдешь в мой монастырь? – я ничего не понимала, но беспокойство росло.

– Нет, на время я сделаюсь тобой. Собью с твоего следа дядюшку и его людей, а они, уверяю тебя, рано или поздно появятся и начнут задавать вопросы. Уведя их в противоположную сторону, я растворюсь на просторах моей родины, – последние слова были произнесены со смесью печали и иронии.

– Ты точно продумал весь план? – мне не верилось, что придется изображать из себя монаха. Казалось, Конд сейчас рассмеется и щелкнет меня по носу со словами «А, купилась!». – И почему у тебя такой хриплый голос?

– Простыл, – он криво улыбнулся. – И да, я все продумал до мелочей. У меня было целых три года.

Я медленно стащила с головы палантин.

– Святой боже, а ты что сделала с собой? – Конд только сейчас заметил, как сугуч испортил мое лицо.

– Пройдет через несколько дней, – вяло отмахнулась я. – Ты бы видел, что было раньше.

– Нельзя ходить с таким лицом, ты можешь все испортить, – Конд покопался в стоящей на столе сумке и вытащил оттуда два пузырька. Один сунул мне и заставил намазать содержимым болячки, второй вылил в широкую посудину и размешал с водой. Раздевшись до пояса, опустил во вспенившуюся воду лицо, а когда вынырнул, от краски не осталось и следа.

– Магия?

– Да.

– У тебя есть зеркало? – спросила я, шаркая пальцем по болячкам. Я прямо чувствовала, как под действием мази корочки отваливаются. Взяв у брата круглое зеркальце, внимательно осмотрела себя: от ожога остались лишь красные пятна. – Здорово, прямо волшебство, – произнесла я, закупоривая бутылку. С сожалением посмотрела, как она прячется в

недрах Кондовской сумки.

– Слишком дорогая. И мне еще пригодится, – буркнул он, оправдывая свою жадность. – А зеркало можешь оставить себе.

– Спасибо. Скажи, почему ты выбрал орден Света и Тьмы? У них такие странные порядки.

– Я уже во время побега из замка знал, что скрыться смогу только там, где меня никогда не знает. На территорию их монастыря посторонних не пускают, и монахи обязаны день и ночь носить маски, а значит, я был бы надежно защищен.

– И ты все три года просидел там безвылазно?

– Я учился. И много думал. С внешним миром общался только через Лоури. Ты его видела, это он принес тебе письмо, – брат кивнул на статуэтку Святой девы, стоящую на подоконнике. – Я заберу Лоури с собой. Он сейчас добывает нам повозку.

Конд говорил и вытирался, а я смотрела на то, как сильно изменился мальчишка, которого однажды я спасла. Он возмужал, руки сделались крепкими, а плечи развитыми – видимо, монахи Света и Тьмы не только молились. Правда, Конд был едва ли выше меня, но, думаю, рост не имеет значения, если твоей голове предстоит либо носить корону, либо опуститься на плаху.

– Возьми меня с собой. Зачем мне оставаться здесь?

– Ты не понимаешь, если послушник ордена, всеми силами желающий сделаться хронистом славного герцога–полко-

водца, прошедший десять ступеней испытаний, добившийся доверия главы ордена, вдруг исчезнет, его примутся искать. Орден просто так не отпустит. Оттуда можно уйти только вперед ногами. И то похоронят на территории монастыря.

– Так зачем же ты пошел в эту страшную организацию?

– Объясняю для тех, кто не понял с первого раза: там меня не могли опознать, как принца Корви. Теперь же пришла пора выбраться на свободу. Поэтому ты останешься хронистом герцога так долго, как только сможешь.

– А дальше? Что со мной будет дальше?

– Ты погибнешь.

– Вот спасибо за радужную перспективу.

– Ты не поняла. Ближайший бой, который герцог даст тварям, позволит тебе исчезнуть. Для этого достаточно подбросить монашеский плащ недалеко от поля сражения, чтобы тебя сочли съеденной заживо.

– Час от часу нелегче. Мало того, что я не понимаю, что должен делать хронист, так еще я обречена путешествовать с армией, которая бьется с какими–то тварями.

– Не с какими–то, а вполне конкретными – из мира Ушур.

– Боже, какой еще Ушур? Я надеялась, что ты поможешь вернуться домой, а я все дальше и дальше забираюсь в проблемы твоего мира. Почему бы тебе самому не провернуть фокус с плащом и не притвориться мертвым?

– А ты?

– А я дождалась бы тебя в монастыре, а потом мы вместе

ушли бы из него.

– Как ты не понимаешь? Это не у меня, у тебя нет времени! Пока я отирался бы в армии в ожидании удобного момента, чтобы сбежать, ты бы уже ходила беременная наследником Дугов! Я говорю не просто так. Послушай, Адель…

– Аня. Меня зовут Аня, – почему–то мне было важно, чтобы он запомнил мое имя.

– Аня, я обещаю, что ты окажешься дома сразу после того, как я верну королевский замок себе.

– Знаешь, – я обреченно села на жесткий лежак, служащий принцу крови кроватью, – я думаю, что совершила большую ошибку, послушавшись тебя. Надо было мне соглашаться на свадьбу с Фельстаном. Так я оказалась бы во дворце гораздо быстрее.

– Можешь попробовать. Еще не поздно, – Конд опустился на табурет, стоящий у стола, и скрестил на груди руки. – Но доживешь ли ты до дня, когда найдется нужный портал? Тебя оприходуют в первую же брачную ночь и не выпустят из спальни до тех пор, пока не будет объявлено, что ты понесла. А потом да, освободят, и беременная ты будешь метаться в попытках отыскать знакомый тебе тупик. Замок нашпигован ими, но не все открываются в твой мир.

– А почему же мы прятались в монастырях? Не лучше ли было пересидеть в каком–нибудь из миров, а потом, собравшись с силами, выгнать узурпатора и вернуть трон.

Конд устало вздохнул.

– Не все миры дружелюбны. Некоторые до такой степени опасны, что вполне способны уничтожить наш. Стоит открыть проход, и ты моргнуть не успеешь, как сделаешься мертвой. Как ты думаешь, почему дядюшка поторопился захватить королевский замок? Он имеет стратегическое значение. Кто владеет им, владеет нашим миром. Меня, как возможного наследника, прежде всего готовили к управлению замком.

– Ты единственный, кто знает, что находится в тупиках?

– Что находится за тупиками, – поправил меня Конд. – Но мои знания не полны. Миры меняются, и там, где раньше летали белые птицы, вполне может ждать пепелище. Поэтому даже я не рискнул бы дергать за все светильники подряд.

– Поэтому ты кричал рыцарю, который хотел тебя зарубить, что ты Конд Корви?

– Да. И я уверен, поняв, кто попал к нему в руки, он не рискнул убить бы меня. Я нужен живым дядюшке, императору, да даже тем же монахам ордена Света и Тьмы. Без моих знаний замок представляет большую опасность. И мой дядюшка, отлученный от этих знаний, сделает все, чтобы заполучить кого–то из нас двоих.

– Ага. Почему–то сейчас я заподозрила, что Адель Корви нужна Фельстану не только как стельная корова.

– Не говори так о моей сестре. Она была чудесной.

– Была? – я подалась вперед. – Что с ней случилось?

– Адель умерла. Я не успел вывести ее из ловушки, ку-

да нас загнали убийцы. Она предпочла броситься с высоты башни, чем попасть в руки врага. Но об этом никто, кроме меня и матери–настоятельницы, не знает.

– И это еще одна причина, почему дядюшка жаждет заполучить Адель? Она тоже знакома с планом замка?

Конд кивнул.

– Но если память к Адель так и не вернется, то она все–равно будет полезна? – я взвешивала возможность при любом раскладе остаться в живых. – Хотя бы для воспроизводства еще одного Корви, имеющего право на трон.

– Да. Сейчас дядюшка еще лелеют надежду, что все с твоей головой наладится, и он получат и план замка, и наследника. Как предали моего отца и короля, так предадут и императора. Дуги сами метят на трон. Я уверен, что Харригат Первый сильно удивился, когда Фельстан предпочел его дочери опальную принцессу.

– Я нашла листовки, в которых трубят о победах императора на Востоке, но до появления армии в Рогуверде о Харригате вообще никто не слышал. Как такое может быть? Откуда он взялся? Где его родина?

– В этом и состояло предательство Дугов. Они привели никому неизвестного врага. Сильного, наглого, кровожадного. Не знаю, как так получилось, но Джовиро сумел открыть портал сразу в наш замок – сердце Рогуверда. Нападения изнутри никто не ждал. Трудно оказывать сопротивление, когда тебя уничтожают с тыла.

– Может, император тоже из другого мира? Сейчас я уже ничему не удивлюсь. Как ты сам сказал, здесь гуляют рыцари, которые собираются биться с какими–то тварями из Ушура, – я кивнула на стену, за которой время от времени раздались взрывы смеха.

Брат поморщился.

– Твари – обратная сторона медали. Открытие несбалансированного портала порождает стихийный прорыв межмировой ткани.

– Боже, а это что еще такое?

– Представь себе драгоценную брошь с множеством разноцветных камней, сидящих в своих гнездах. Опытный ювелир легко вытащит их, почистит и вставит назад. Он мастер и бережно обращается с брошью. Так вот, замок Корви – брошь, камни – порталы, которые можно как открыть, так и закрыть, а мы Корви – ювелиры.

– Выходит, ваш замок – огромный артефакт?

– Именно так. Над его созданием корпело ни одно поколение, поэтому он сбалансирован и не вредит миру. Но семейству Корви–Дуг достался такой же магический дар – как никак они наши родственники. Только у них нет ни золота, ни драгоценных камней, ни терпения, а есть лишь желание скопировать чудо. Причем быстро. Джовиро сотворил свой артефакт и открыл портал для вражеской армии. Знал, что навредит миру, но все–таки сделал. В магии все хитро устроено. Она все время ищет равновесия. Вот и появляются пор-

талы там, где они не должны быть. Оттуда лезут разные твари. А герцог со своей армией только и успевает латать дыры. Залатает одну, тут же откроется другая.

– Неужели они не понимают, что толкут воду в ступе?

Конд свел брови к переносице.

– Поговорка такая, – объяснила я. – О бесполезности работы.

– Нет, не понимают. Только уничтожив портал, из которого вышел Харригат с армией, можно вернуть магии равновесие.

– Но кто захочет обрезать пуповину, чтобы никогда не вернуться домой? Я бы точно не захотела.

– Мы справимся. Я точно знаю, – однако голос Конда дрогнул.

Мы уставились в пол, думая каждый о своем. Легко не будет. Однозначно.

Глава 6

Я подняла на принца глаза. Нас обоих ждала безрадостная перспектива, и я пыталась осмыслить, правильно ли поступаю, вверяясь Конду.

– Скажи, как ты собираешься всему этому противостоять? Хитрому императору, мерзкому дядюшке, сильной армии, которая молниеносно справилась с вашими рыцарями, а теперь покоряет Восток и бьется с тварями? Ты, не имеющий ни поддержки, ни денег, прячущийся по монастырям, а теперь собирающийся переодеться женщиной? По силам ли тебе ноша?

Конд тряхнул головой. Глаза его наполнились гневом.

Я шумно выдохнула. До боли в легких. И сосчитала до десяти. Только так я могла погасить поднимающуюся во мне панику, которую можно описать одной фразой: «Мы все умрем». За кем я пошла? За мечтателем, который и себя не защитит?

Кое–как вернув самообладание, я взяла второй табурет и села напротив черного, как туча, Конда. Наши колени соприкасались.

– Ладно. Не будем дуться. Мы оба хотим выжить. Только объясни мне, пожалуйста, что ты намерен делать дальше? Что предстоит мне, помимо того, что однажды я прикинусь мертвой. И еще я хочу гарантий, что ты меня не бросишь.

– Я не могу рассказать тебе, что собираюсь делать. Не злись. Простая мера предосторожности. Тебе могут развязать язык…

– Будут пытать?

– Необязательно. В постели многие начинают болтать. Особенно, если влюблены.

– Как ты можешь так говорить?

– Это жизнь, Аня. А по поводу гарантий – даю слово Корви. Не брошу.

Я кисло улыбнулась.

Конд вздохнул и полез за шиворот. Вытащил болтающийся на цепочке овальный медальон и разъединил его на две части – круг и полукольцо.

– Это символы наших светил. Вераст я оставлю себе, а Тигул отдам тебе.

Я взяла полумесяц и повертела его в пальцах. Я знала, как называются местные светила, но привычно продолжала именовать их солнцем и луной.

– И что дает мне владение Тигулом?

– Я могу доказать, что я настоящий принц Корви только предъявив полный кулон. Смотри.

Он вытащил из моих пальцев полумесяц и наложил на свое солнце. Оно засветилось ярко, проявив на себе письмена.

– Опять мертвый язык? Что там написано?

– Корви навсегда. Дядюшка многое отдал бы, чтобы запо-

лучить этот ключ.

– Ключ?

– Дверь в твой мир не откроется без ключа. Полного ключа. На, не потеряй Тигул. У тебя нет никакой цепочки?

– Только веревочка с оберегом. Сестра Басилия подарила, – я показала тонкую бечеву, на которую были нанизаны бусы. Каждая бусина защищала от чего–то своего: от сглаза, от дурного слова, от лиха.

– Сойдет.

Конд заставил снять оберег с шеи и ловко нанизал на бечевку полумесяц. Рядом с довольно крупными, величиной с ноготь большого пальца бусинами он потерялся, сделавшись неприметным.

– Теперь ты понимаешь, насколько ценную вещь я тебе даю? Никто из нас поодиночке не сможет открыть в замке портал. Ты уж, пожалуйста, выживи. Мне не хотелось бы искать твою могилу и снимать Тигул с костей.

– А если меня проглотит тварь из Ушура?

– Самый худший вариант. Для тебя. Ее–то я непременно найду.

Меня ощутимо передернуло.

Я не понимала, что за твари попали в королевство из дальнего мира Ушур, но хорошо представляла, как они рвут плоть.

Я наклонилась, чтобы Конд надел мне на шею оберег. Погладила бусины и сунула их за ворот. Я никогда не верила

в амулеты и обереги, привороты или сглазы, но в Рогуверде жила магия, и с некоторых пор во мне росло убеждение, что добралась я до «Хромой утки» без приключений вовсе не благодаря своей осторожности, а при содействии охранного амулета заботливой Басилии.

Наличие Тигула рядом с простыми бусинами успокаивало, и я приняла на веру слова Конда, что он отыщет меня живой или… мертвой. Как не думать о смерти, если мы ввязались в опасное приключение, исход которого неизвестен? Мне только и оставалось полагаться на мощь амулетов и пронырливость дорогого брата. Его шею тоже украшали многочисленные цепочки с оберегами. Выходит, и он верит в их силу?

– Скажи, почему ты выбрал для встречи именно сегодняшний день? – я наблюдала, как Конд складывает в дорожную сумку вытащенные из–под тюфяка светские вещи: хорошего качества, но не новый камзол, штаны, пару тонких сорочек, что–то с завязками, похожее на нижнее белье. – К чему такая спешка? Я едва успела подготовиться.

– Тебе три года недостаточно? – с усмешкой бросил он.

Я закусила губу, наблюдая, как перекатываются мышцы под кожей. Сосредоточенный взгляд, уверенные движения длинных пальцев – Конд собирал что–то вроде несессера.

«Однако брат у меня симпатичный. Возмужал, а губы остались пухлыми. И глаза большие, как у олененка».

– Я дал тебе время выучить язык и «вспомнить» хоть что–

то о нашем мире.

– Нет, все–таки. Почему сегодня, а не месяц назад?

– Месяц назад я еще не знал, выиграл я конкурс на лучшего хрониста или нет. Если бы проиграл, не было бы повода покинуть монастырь, и меня через неделю заставили бы принять монашеский сан. А вместе с ним я навсегда потерял бы право на корону. У нас священники на троне не сидят.

– А что им мешало сделать тебя монахом до конкурса?

– Мне еще не исполнилось восемнадцать. Таковы правила ордена.

Я покраснела. Конд ходил по лезвию ножа, рискуя всем, а я тут беру с него клятвы верности.

Следующие слова меня добили:

– А потом я не забывал о тебе. Не хочу, чтобы ты вышла замуж за одного из Корви–Дуг. Ты знаешь, что наш дядюшка вдовец? И если бы у тебя не сладилось с его сыном, то вполне могла бы стать ему мачехой. Я понятно объясняю?

– Фу, – я поморщилась, вспомнив влажные лапки дядюшки Джовира и его жабью фигуру. И поспешила заверить. – Я всегда знала, что мой брат умнейший человек.

– И заботливый, – Конд застегнул сумку и отнес ее к двери. Потом, потянувшись и расправив затекшие плечи, взялся за завязку штанов. – Но что–то мы отвлеклись.

– Ты чего задумал?!

Брат поднял на меня глаза.

– А ты чего застыла? Тоже раздевайся. Будем меняться

одеждой. Я до полуночи должен уйти.

– Погоди! Ты еще не рассказал, что я должна делать вместо тебя.

– Ничего особенного. Ты хронист, приставленный к герцогу для того, чтобы записывать его славные деяния. Приказ императора, желающего, чтобы народ знал, какую пользу приносит его армия. Он хочет обелить имя убийц.

– А о том, что твари появились из–за самого императора, он не хочет рассказать?

– Даже не заикайся. Голову снесут.

– Но я не знаю, о чем писать. Меня не обучали работе хрониста, не говоря уже о ратном деле. Да я даже не слышала, как называется ваше оружие!

– Не надо ничего писать. Рисуй цветочки, просто черкай. Делай вид, что работаешь. Никому не интересно, что выводит на бумаге монах. Большинство из тех воинов, кого ты встретила, вообще безграмотные.

– А герцог? – я тоже принялась раздеваться. Начала с пуговиц платья, что шли плотным рядом от ворота до талии. Пальцы отчего–то не слушались, и мне трудно было нащупать петлю.

– Вот уж кто точно не сунет нос в твои бумаги. Их Светлости наша писанина против души. Ему навязали хрониста. Конечно, будет подозрительно, если ты за целый день так и не вытащишь перо с чернильницей, но даже здесь можно сослаться, что запишешь подвиги армии позже, например, во

время привала.

– Как я тебя найду после того, как меня съест тварь?

– Отправишь весточку в монастырь. Тебе ответят. Кошель всегда держи при себе: неизвестно, когда выдастся момент сбежать. С деньгами не пропадешь. Можно купить одежду и еду. Тебе достаточно дали?

Я только вздохнула.

– На, в крайнем случае продашь, – он перестал бороться с затянувшимся узлом на поясе и снял с себя еще одну цепочку, на которой помимо нескольких замысловатых кулонов болтался красивый перстень. – Он принадлежал моей матери. Никого не удивит, если его заметят на тебе. У нас принято носить кольца, особенно, если они чем–то памятны.

– Нет уж, на палец не надену. Так недолго догадаться, что я женщина, – я любовалась, как ладно село кольцо на отнюдь не мужскую руку. Насладившись красотой, вновь сняла с себя веревочку с оберегами. – Не жалко?

– Кольцо хоть и дорого мне, но вещь. Сейчас твоя жизнь важнее. Ты не забыла, что я не хочу возиться в желудке какой–то твари? Побереги себя. Ну и Тигул с кольцом заодно.

– Подожди, – я решительно сняла полумесяц с веревочки. – Я тебе верю и не хочу создавать трудности. Вдруг тебе загонят в тупик, а ты не сможешь открыть портал?

– Аня…

– Я верю, что ты меня не бросишь.

Конд не стал спорить. После того как вернул полумесяц к

солнцу, вновь занялся завязкой на штанах.

– Поможешь? Этот узел нужно подцепить зубами.

Я выразительно посмотрела на брата.

– Мы не настолько с тобой близки…

– Все, хватит болтать, женщина, раздевайся. Время уходит.

Вздохнув, я стянула с себя платье и две нижние юбки.

– Можно я оставлю монастырскую рубашку? – я стояла на ледяном полу в одних чулках и тянула подол короткой рубашечки вниз, чтобы хоть как–то прикрыть ноги. – Она простая, без вышивки.

За три года я не только отвыкла от земной одежды, но и начала стесняться голых ног. Местная мода не позволяла поддевать под платье ничего, кроме нижних юбок, рубашки и чулок. Причем последние были со швами сзади и завязывались под коленом. И если бы не две, а то и три юбки, положенные зимой, средневековые дамы вовсе вымерзли бы. Панталоны – моя личная прихоть, и я так и не вытащила их из узелка, чему тихо радовалась.

– Нет. Ходить и спать будешь в моем, я приготовил, – брат достал из стоящего в углу обшарпанного сундука чистую одежду и бросил на убогую лежанку. Местный интерьер не отличался изысканностью. – Не бери с собой ничего из того, что могло бы выдать в тебе женщину. Волосы крепко скрути. Даже если ветер сдует капюшон, никто не обратит внимания. У многих тут длинные волосы.

– А почему ты потребовал, чтобы я убрала челку? Мама осудила бы – это же простая отмазка?

– Ты с ней странно выглядела. У нас так стригутся только мужчины. Чтобы волосы из–под шлема не лезли в глаза. Смотри, скручивай пряди так, – Конд повернулся ко мне спиной, и только тогда я заметила на его затылке тугую дулю, которую он тут же распустил. Тряхнув головой, он явил мне копну роскошных, слегка вьющихся волос.

– Я специально отращивал, чтобы тебе не пришлось отрезать свои. Мы с тобой не должны попасться на мелочах.

– Спасибо за заботу, друг. А ничего, что у меня есть грудь? – не без ехидства поинтересовалась я.

– Где? – на полном серьезе переспросил Конд. Осталось только зашипеть и густо покрыться краской. Брат умеет ткнуть в больное место.

Но и я отыгралась, когда он, наконец, справился с узлом и скинул штаны, оставшись в широких трусах длиной до колен.

– О, боксеры! – засмеялась я и обошла брата по кругу, любуясь местным прототипом нижнего белья, сильно смахивающим на семейные трусы на простой резинке. Такие, помнится, носили дедушки. Приплясывающий от холода Конд смотрелся в них ужасно смешно. Настал мой звездный час. – Снимай их! Иначе выдашь себя. У вас женщины такого не носят.

– Зато я знаю, что носят женщины в вашем мире. Твою

похабщину я припрятал на память.

– Ты о моем бюстгальтере и трусиках? – мое возмущение было искренним, но недолгим.

Конд, нисколько не стесняясь, скинул «боксеры». Переступил через них и смело посмотрел мне в глаза.

Я не подумала отворачиваться, хотя была шокирована.

– Боже, я видела принца голым, – прошептала я. – Кому скажу, не поверят.

– А кому ты собираешься говорить? – пока я хлопала глазами, он бесцеремонно сдернул с меня рубашку и напялил тепленькую на себя.

Я, светя ягодицами, метнулась к кровати, торопясь расправить белье, выданное мне Кондом.

– М–да, тоже так себе, – произнес он, явно оценивая мою фигуру.

– Я не говорила, что у тебя так себе, – стуча зубами и злясь, что никак не могу попасть в рукав, прошипела я.

– Я о своей красоте уже наслышан. А у тебя не только грудь так себе, но и то, что находится ниже.

– Гад. Нормально у меня все, – не кидаться же в объяснения, что каноны красоты в наших мирах разные? Тут в цене женщины с пышными бедрами, чтобы рожали больше и чаще, а у меня фигура спортивная. Спасибо хорошим генам. – Ты еще маленький, не понимаешь.

– Я маленький?!

Вспомнив, что я видела, сочла не лишним заткнуться.

Когда мы, наконец, переоделись и стояли друг против друга, поправляя такие мелочи, как неправильно застегнутая пуговица на платье или слишком туго завязанная тесемка на «боксерах», удержаться от смеха не сумели. Сначала просто фыркали, потом разошлись так, что повалились на кровать.

Закончилось наше валяние дурака тем, что Конд меня поцеловал.

Я от неожиданности застыла. Он, осмелев, поцеловал еще раз, уже глубже.

– Ты чего? – прошептала я, когда ощутила его ладонь на своей груди.

– Я три года был заперт в монастыре.

– И что? – я боялась дышать: начну вырываться и разбужу охотничий инстинкт, тогда мне девочкой отсюда не уйти.

– Хочу тебя, – его рука поползла вниз и, добравшись до зада, крепче притиснула меня к жесткому мужскому телу.

– Ты забыл? У меня все никакое. И грудь, и попа, – не удержалась напомнить я. – Или тебе все равно с кем?

– Не все равно. Иначе давно сорвался бы. Знаешь ли, здесь и монаха совратят. Армия. Тебе будет проще отбиться.

– От кого? – помня свою принадлежность к слабому полу, брякнула единственное верное: – От рыцарей?

– От распутниц. За армией всегда тянется обоз с доступными женщинами. Кстати, они поспорили, кто быстрее совратит монаха.

– Спасибо, что предупредил, брат.

– Пожалуйста… – прошептал он в мои губы. Шепот, близость мужского тела, поглаживание ягодиц рукой будили во мне ответное желание. Я тоже провела три года в монастыре и из пятнадцатилетнего подростка превратилась в девушку, которой не чуждо познание неизведанного. Конд красивый парень, и получить первый опыт с ним было бы приятно. На сохранении девственности для неизвестно кого я не заморачивалась.

– У тебя уже был кто–то? – «брат» подмял меня под себя и выцеловывал дорожку на шее.

– Нет. Когда? – я, млея, закрыла глаза. Кто знает, как сложится жизнь? Смерть подкарауливает нас на каждом шагу. Я не фаталист, но обидно было бы погибнуть, не изведав любви, пусть и такой скоропалительной. – А у тебя?

Он, хмыкнув, приподнялся на локтях, чтобы заглянуть в глаза.

– С четырнадцати лет. Регулярно. Можешь представить, как трудно было отказаться от женщин на три года. Мне специально подкладывали любовниц. Я второй после отца претендент на престол. Хотели заранее подсуетиться. Бастард тоже приносит деньги.

– Какой бастард?

– Мой. Если родится.

И тут меня словно кипятком облили. Что я творю? А если на самом деле бастард случится?

– Ты чего напряглась? Я же говорю, я опытный. Успею…

Я только открыла рот, чтобы заставить Конда слезть с меня, как в дверь постучали. Грозно, кулаком. Мой любовник сам скатился с кровати и принялся суетливо одергивать платье. Сделал страшные глаза, чтобы я не лежала, а тоже поднялась и оправила монашескую рясу, которая оказалась задрана чуть ли не до пупа.

– Капюшон, капюшон надвинь на лицо, – прошипел Конд, накидывая на себя мой палантин.

– Да? – просипел, подходя к двери. Вот как у него получается? Только что говорил нормальным голосом. А я и не заметила, когда он перестал хрипеть. – Кто–то хочет беседовать о боге?

Я напрягла горло, пытаясь выдавить из себя такой же скрипучий звук. Потренироваться, прежде чем откроется дверь, не помешало бы.

– Выходи, Дон! – грохнули кулаком еще раз. – Герцог к себе зовет.

– Дон? – шепотом переспросила я.

– Ну не Конд же, – отмахнулся от меня брат и приник к двери. – Дайте только одеться! Кары на вас нет. Ночь–полночь… больного человека…

Но за дверью уже не слушали – тяжелые шаги стихли за поворотом.

– Все, пора прощаться! – Конд притянул меня к себе. – Жаль, что нет времени. Пора и мне, и тебе.

Глава 7

Я вырвалась из объятий и метнулась к столу. Схватила краску, оставленную для черно–белой маски, но бросила ее – как, не видя себя, накраситься ровно? Кинулась к своему узелку, куда сунула зеркальце, но вспомнив, что брат может заметить панталоны, бросила. Застонала, не понимая, что творю и за что браться. Конд остановил меня.

– Ну чего ты?

– Я еще не готова прощаться! Лицо краской не намазано! Да и что говорить герцогу? А главное, как? Он сразу догадается, что я не мужчина. Я не смогу сипеть как ты!

– Успокойся, я все продумал, – Конд взял с подоконника фигурку Святой девы и перевернул ее. В основании оказалось отверстие, заткнутое пробкой. Вытянув ее, брат приказал: – Вдыхай!

Я вдохнула. Горло обожгло горечью.

– Что это? – спросила я тем–самым хриплым голосом.

– Носи с собой. На первое время хватит. В крайнем случае примешь обет молчания. В обители это поощряется. Как наказание за чужие грехи.

Я со слезами на глазах смотрела на Конда, надевающего лямку приготовленной сумы на плечо.

– Давай прощаться? – он посмотрел на меня ласково. Даже с сожалением, что приходится расставаться. Я кивнула и

прижалась лбом к его груди.

– Мне страшно, – я уже не обращала внимание на свой странный голос.

– Держись ближе к герцогу. Он в обиду не даст.

Я опять кивнула, погладила ладонями плечи, плотно обтянутые моим платьем. Мелькнула мысль, что настоятельница подобрала одежду так, чтобы она пришлась принцу впору.

– Ну чего ты совсем раскисла? – брат, прикоснувшись к моему подбородку, заставил посмотреть на него. – Хочешь на все наплюем и…

Я ожидала, что он скажет «убежим вместе», отчего просияла раньше времени, но он имел ввиду совсем иное.

– …закончим то, что начали? – его ладонь многообещающе сжала мою грудь. Я дернулась и убрала его руку. Опьянение, вызывающее желание, прошло. – Ну хоть поцелуй меня на прощание.

Поцелуя жалко не было.

– До встречи, Аня.

– До встречи, Ваше Высочество.

Темнота поглотила опального принца, а я, наскоро мазанув краской по лицу, шипя там, где задевала неприятные на ощупь пятна, оставшиеся от волдырей, натянула капюшон и поплелась к главному входу. Все внутри меня замирало.

Веселье в «Хромой утке» было в самом разгаре. Если до того во дворе толклись лишь воины, то теперь тут и там слышались женские голоса. Старясь глядеть вниз, я с трудом

пробиралась между разгоряченными выпивкой мужчинами и откровенно кокетничающими красотками. Никто из них не думал сделать хотя бы шаг в сторону, чтобы пропустить меня. С таким пренебрежением к монахам я сталкивалась впервые. Если служители «Святой девы» появлялись в деревне или на ярмарке, то им всегда оказывали уважение. А тут меня пихнули так, что я налетела на страстно целующуюся парочку, и едва не опрокинула ее. Женщина взвизгнула, а воздыхатель схватился за висящий на поясе нож, но увидев тщедушного монаха, руку от оружия убрал.

Я выдохнула с облегчением и, хотя не была виновата, сочла за лучшее извиниться. Но вежливость не помогла: меня развернули и пнули под зад коленом, словно нашкодившую дворняжку, чем вызвали грубый хохот окружающих. Я едва не упала на колени. И сделала неутешительный вывод: Конд как священник совсем не ценился. Он позволял над собой глумиться. Вспомнить хотя бы издевки конюхов, недавний грубый окрик и стук в дверь или этот вот пинок.

Я нашла единственное оправдание, почему принц крови пасовал перед хамами: Конд старался быть тем, кого не кинутся спасать, и по кому не примутся печалиться. Неудачников не жалко, они могут исчезнуть, и все только посмеются над очередной их неудачей. Если моя догадка верна, то стоит поаплодировать до мелочей продуманным действиям братца.

Протолкнувшись, наконец, к входу в здание, я беспомощ-

но огляделась. Куда идти? Налево через зал, где за длинными столами горланили пьянчуги, или направо, где народ предавался азартным играм. Щелкали кости, смачно шлепались на стол карты, кто–то ликовал, а кто–то, проиграв, изрыгал ругательства.

Меня просто оглушил шум, издаваемый любителями бражки и азартных игр, и я никак не могла сообразить, в какой стороне находится спасительный берег. Кто укажет дорогу к ждущему меня герцогу? Спросить – значит, подтвердить, что у монаха с головой не все в порядке. Конд же, как пить дать, бывал в гостях у «великого полководца».

Слава местному богу, расспрашивать не пришлось. Меня выдернули из людского водоворота. За шкирку. Буквально. Рявкнув, кто–то большой и грозный вцепился лапищей в мой капюшон и поволок за поворот, где, как оказалось, находилась лестница, ведущая на второй этаж. Протащив по ней – я едва успевала перебирать ногами, меня зашвырнули в огромную комнату.

– Вот, Ваша Светлость, нашел, – медведь, приволокший меня, не говорил, ревел. – Пялился на игроков.

– Ну что же ты так, Дон? – приятный голос, контрастный тому, что только что представил меня, заставил поискать хозяина глазами.

Покои герцога оказались ужасно захламленными. Мебель не в пример лучше, чем у меня внизу, но какая–то вся раскуроченная, стоящая кое–как, точно ее двигали, намерева-

ясь сменить обстановку, но так и бросили. Дверцы пузатого гардероба распахнуты, огромная кровать в алькове расправлена, подушки навалены горой, и часть из них сползла на пол. Рядом лежали сваленные в кучу доспехи, в стену уткнулись острыми носами пики, а на кресле, завешанным верхней одеждой, покоился красавец–арбалет.

Искусная работа оружейника и совершенная форма арбалета служили упреком хаосу, но тому было глубоко наплевать на изящество конструкции оружия. Хаос буйствовал и ликовал изломанными линиями тканей, обрывками скомканной бумаги и винными пятнами на ковре. За столом, загруженным книгами и рулонами карт, с изящным письменным прибором, которому впору находиться в сокровищнице, а не среди пустых тарелок с объедками и опрокинутыми кубками, восседал герой войны.

Небрежно распахнутая рубаха, открывающая крепкую грудь, короткие, но взлохмаченные волосы, небольшая растительность на нижней части лица, о которой явно заботились, и на удивление трезвый взгляд. Я изучала мужчину, мужчина изучал меня.

Я пыталась сделаться как можно меньше, всей душой желая спрятаться под чертовом капюшоном целиком.

Не удалось. Грохот падающей на пол посуды заставил поднять голову. Их Светлость смахнул тарелки, расчищая место на столе. Старательно, даже как–то скрупулезно, разгладил документы – некоторые из них были сильно смяты, буд-

то кто–то в гневе рвал и метал, и разложил их на столешнице. Герцог полюбовался на свою работу и пальцем подозвал меня.

– Читай.

Черт. Передо мной лежали исписанные рукой Конда «хроники».

«А кто–то, не далее, чем час назад, уверял меня, что герцог не интересуется нашей писаниной. Вот тебе и цветочки».

Я взяла в руки одну из страниц. Пальцы дрожали, но не это смущало меня: трясучку можно списать на раболепие, что вполне в духе образа, созданного моим братцем. Меня удивило содержание, приведшее в плохое настроение командующего армией – написанный высокопарным стилем текст восхвалял «лучезарного и непобедимого» герцога Э. Двух строк хватило, чтобы у меня от патоки слиплись зубы.

Ну и, конечно, сильно удивила суперкороткая фамилия Их Светлости. Так и хотелось переспросить: «Правда, что ли, Э?» Жаль, что не удосужилась узнать у Конда о «боссе» поподробнее. «Дурочка, потратила время на поцелуи и игры в любовников, нет чтобы заняться делом, которое приблизит дом».

– Я не понимаю, что вам не нравится, – промямлила я, беря в руки еще один перл.

Хриплый голос, о котором я сама успела забыть, заставил герцога поморщиться. Ему все во мне не нравилось, я чувствовала это кожей: и согнутая в раболепии спина, и тря-

сущиеся руки, и желание угодить, воспевая его храбрость. Знал бы он, что перед ним девица, опасающаяся обнаружить себя, а потому все больше и больше зарывающаяся под капюшон. А руки трясутся вовсе не от страха – ну, в конце концов, не убьют же меня прямо здесь, а от волнения, что ненароком подведу Конда.

– Ты идеализируешь меня. Напыщенными словами лепишь безупречного героя, каковым я не являюсь, – он недовольно смахнул листы со стола. Те спланировали к остаткам еды и грязным тарелкам, еще больше добавляя беспорядка. – Оглянись вокруг. Что ты видишь?

Я в волнении кусала губы. Ответить прямо, что вижу свинарник? Или в стиле хрониста заявить, что вокруг меня всего лишь деловой беспорядок, обеспечивающий комфорт величайшему из полководцев?

– Ну? Говори.

– Хаос, – прошептала я.

– А у безупречного героя, которого ты описываешь, все лежит по полочкам. Я живой, Дон. Слышишь, живой. И если уж меня заставили терпеть хрониста, то я требую, чтобы ты писал обо мне как о человеке, а не полубоге.

Герцог поднялся и, подойдя к кровати, откинул край одеяла. Под ним обнаружилась чья–то розовая пятка. Определенно женская. Я сглотнула и перевела взгляд на Их Светлость. Он, дождавшись реакции, вернулся ко мне. Взял за плечи и заставил смотреть в глаза.

– Если уж писать о деяниях полководца, то со всеми его промахами и слабостями. Уверяю тебя, историки сами наврут о нашем времени, а я хочу, чтобы остался хоть один источник, из которого узнают, каким я был на самом деле. Понял?

– Да.

– Что–то ты совсем плохо выглядишь, – произнес герцог, вглядываясь в мое лицо. Его открыл съехавший капюшон: полководец был высокого роста, и мне пришлось задрать голову. Я порадовалась, что не послушалась Конда и все–таки намазалась белилами.

– Болею, – сердце от страха, что меня раскусят, стучало как сумасшедшее.

– Иди. Отдыхай. И писульки свои унеси.

Я торопливо собрала шедевры летописи, оставшиеся на столе, и те, что валялись на полу. Не оглядываясь, вылетела наружу. Ух!

Только на лестнице сообразила, что не попрощалась. Наверное, надо было пожелать доброй ночи. Как–нибудь витиевато, в духе монаха Дона. Но вспомнилась розовая пятка, и желание сыпать словами моментально прошло. Герцог и без моих напутствий приятно проведет ночь.

А моя ушла на то, чтобы разобрать записи Конда. Теперь, зная, что Их Светлость все–таки интересуется писаниной хрониста, я старалась заучить характерные особенности почерка брата и то, как НЕ следует писать.

Радовало одно – ни герцог, ни его медведеподобные подручные не раскусили, что произошла подмена. И я вовсе не присваивала успех, мня из себя хорошую актрису, так как все время оставалась сама собой. Я восхищалась Кондом, который, изучив меня по письмам, заранее подготовил зрителей к рокировке.

Утро принесло новые заботы. Раздался рев горна, который явно служил сигналом к чему–то важному. Я заполошно вскочила с лежака, высунула нос за дверь и увидела, как из стойла выводят лошадей.

– Дон, поторопись. Уходим! – окликнул меня кто–то, и я кинулась собирать то немногое, что осталось от Конда. Еще с вечера обнаружила под кроватью ящик, который в случае необходимости легко превращался в походное бюро. Его глубины явили чернильницу, перо, приличную стопку бумаги и мешочек с засушенной кожурой черных орехов. Хорошо, что мне приходилось готовить чернила в монастыре, иначе я опять попала бы впросак. Правда, в крайнем случае я применила бы сажу. Помнится, Басилия разводила ее водой, когда обнаружилось, что в обители закончились запасы приличных чернил.

Двойная седельная сумка, оставленная Кондом, уместила и ящик, и прочие личные вещи. Статуэтку святой девы я сунула в карман, не забыв предварительно нюхнуть «отравляющее вещество», чтобы вернуть себе скрипучий голос. Мои наблюдения показали, что средство действовало недолго, по-

этому его необходимо было держать под рукой. Как–то не хотелось объявлять обет молчания, пока не разберусь, что происходит в армии.

Умывшись, я подправила вчерашний макияж. Сегодня рука не тряслась, и границы черного и белого цветов удалось провести четче, да и кожа уже не так сильно зудела. Я начала привыкать к маске. Удовлетворившись отражением в зеркальце, сложила его и склянки с краской в небольшую наплечную суму, предназначающуюся для кошеля и всякой мелочи (Конд и здесь позаботился о сестре), скрутила на затылке дулю и натянула плащ. Глубокий капюшон надежно спрятал лицо от накрапывающего дождя.

Взвалив на плечо свою поклажу, я отправилась к конюшням искать принадлежащую мне лошадь. Рассуждала так: раз у меня имеется седельная сумка, которую, как я знаю, навешивают на ездовую скотину, значит, и боевой конь у меня тоже должен быть.

Делая вид, что чищу сапоги (брат, подлец, поленился), сильно злилась на Конда, который и словом не обмолвился, как зовут лошадку, или хотя бы где та стоит. А вдруг она страдает от голода и жажды, и я покажу себя никчемным хозяином?

– Ты не пошел есть? – меня окликнул вчерашний конюх–нахал. Он дожевывал что–то пахнущее чесноком. – Неужели тоже перепил вчера?

– Я не пью, – пробурчала я. Хотелось добавить «я только

ем», но спросить, где кормят, не решилась. Немного подумав, сообразила, что могу убить сразу двух зайцев. – Друг, не кинешь сумку на моего зверя, а я пойду перекушу. Совсем хворь замучила.

Для наглядности несколько раз покашляла. «Друг» скривился, но пожалел убогого монаха и седельную сумку забрал. Ура! Теперь я узнаю своего коня по багажу.

А я поплелась к главному входу постоялого двора: там видела столы, там пахло едой, значит, туда и дорога.

Хмурые воины плотной стеной шли мне навстречу. Никто не собирался уступать дорогу, и вскоре я была оттеснена к стене и, шаркая по ней спиной, упорно пробивалась к желанной еде.

«Столовая» оказалась полупустой. Кухарка и ее подручные собирали посуду, слышался скрип мочала по пустому котлу, а желудок отчаянно сигналил, что я, дура, пропустила завтрак, и теперь мы умрем от голода. То немногое, что дали в монастыре, я умяла еще ночью, когда изучала хроники.

– Скажите, пожалуйста, а еда осталась? – получилось так жалобно, что я возненавидела себя. Кухарка, видимо, тоже. Потому что обернулась и глянула так, будто перед ней стояла нищенка с протянутой рукой, а не больной монах. – У меня есть деньги. Я заплачу.

Последнее женщине понравилось, и улыбка осветила вспотевшее от усердной работы лицо. Опустив стопку грязной посуды на стол, она вытерла руки о фартук и поспешила

на кухню. Вскоре передо мной высилась горка свежих оладий. Чуть позже появились крынка молока и плошка с медом.

На требовательно выставленную ладонь легла серебрушка, что вновь вызвало улыбку кухарки. Ну и мою тоже. Я понятия не имела, сколько следует отвалить. Жаль, что в монастыре не приучали к самостоятельной жизни. Я смело могла назвать цену оберега или статуэтки Святой девы, но никак не жаренного пирожка. Кухарка же, получив достойную плату, расщедрилась и добавила краюху горячего хлеба и горшочек сметаны.

И только я полила нежные оладьи струйкой прозрачного меда и сглотнула вызванную запахами слюну, как напротив меня кто–то брякнулся на скамью.

– Ваша Светлость? – мне пришлось подняться, чтобы поклоном приветствовать герцога. Он хоть и выглядел свежим – буйная ночь не оставила на нем следа, взгляд имел недобрый.

– Почему не по уставу?

Я вжала голову в плечи.

– Бойцу полагается с утра каша, – напомнил он, заглядывая в кувшин.

– Так я не боец, – не зная, что еще сказать, развела руками.

– Я, видимо, тоже, – вдруг согласился он и единым махом выпил молоко, за которое заплатила я. Переживая, что подобная участь постигнет и оладьи, я села и придвинула та-

релку ближе к себе. Но властная рука нашла равноудаленную от обоих едоков границу – центр стола. Я никогда не ела так быстро.

– Счет двенадцать–восемь, – весело объявил Их Светлость, и совсем не по–герцогски облизал испачканный в меду палец. А он ничего. В смысле дюк Э. Привлекательный. Особенно, если не сводит брови к переносице. Мед тоже оказался вкусным. Правда, сметану попробовать не удалось. Ее весьма лихо употребил полководец. Краюху хлеба он милостиво разделил на две части, и я быстро убрала свою в наплечную суму.

К конюшне мы шли плечом к плечу. Это выражение такое. На самом деле мы шли плечом к подмышке.

– Дон, не отставай, – широкий шаг герцога заставлял семенить.

Конюшня шокировала. Там стояли всего две животины: конь, укрытой попоной с красными львами, и… осел. Чтобы я случайно не ошиблась, последний был помечен моей седельной сумкой. Ну да, а чего я ждала? Ахалтекинского жеребца?

Глава 8

Армия или только ее часть, судить не берусь, уже двинулась строем. За околицей суетился у телег и повозок сопровождающий армию служебный отряд, еще дальше, почти на границе видимости, готовились к отправлению гражданские – вчерашние ночные бабочки. А я, вспомнив розовую пятку, показавшуюся из–под одеяла, призадумалась: неужели и герцог ест из одного котла с остальными? Или ему подают отдельное блюдо в виде какой–то постоянной любовницы?

Пока я забиралась на осла, предмет моих дум взлетел на коня и умчался вдаль, нисколько не переживая, поспеет ли за ним хронист. А я так и тащилась, всего лишь на шаг опережая хозяйственный обоз. Ослик не дергался, не пытался пробиться вперед, а кучер походной кухни как–то уж слишком привычно завел со мной нудную беседу о боге. И я с досадой усвоила, что хронист никогда не ехал рядом с герцогом. Его место здесь. Под хвостом у последнего боевого коня армии. И сегодняшний завтрак с Их Светлостью, породивший иллюзию некой близости, всего лишь маленькая прихоть «дюка Э».

Ну и ничего, ну и правильно. Мне и здесь хорошо. Рядом с кухней сытнее и безопаснее.

Через полдня пути без намека на отдых, когда интерес глазеть на унылую панораму проплывающих мимо полей иссяк,

а отбитая задница ныла, я уже радовалась, что хронист едет не во главе армии. Я тихо перебралась на облучок походной кухни, и только поглядывала, не отвязался ли ослик, переживая больше за свои пожитки, чем за него. Капюшон давно болтался на плечах, духота после дождя заставляла забыть о мерах предосторожности, благо, никто не воскликнул «Караул, подмена!».

– Расскажите мне о герцоге. Какой он? И почему у него такое странное имя?

Ферд – пожилой кучер, оказавшийся истопником, ответственным за горячую воду и отопление походного шатра, если герцог вдруг прикажет разбить лагерь, с готовностью откликнулся.

– Ну вот, отмер! А то все три дня бычился, разговаривать с нами брезговал, – истопник с довольным выражением лица огладил пышные усы.

Бычился? Что это? Гонор принца, не желающего опуститься до общения с чернью, или желание оставить невспаханное поле исследований для меня? Немного поразмыслив, утвердилась в последнем. Странное поведение хрониста определенно вызвало бы недоумение, если бы тот принялся задавать одни и те же вопросы по второму кругу. Ай да Конд!

– Я не брезговал. Плохо мне было. В горле словно колючки засели, – просипела я, старательно следя за окончаниями глаголов. Боялась выдать, что я девчонка. – Ни говорить, ни сглатывать.

– А все от того, что плащ у тебя худой, – откликнулась одна из кухарок. Дородная, краснощекая, отличающаяся яркой, но слегка переспевшей красотой. – Плохо вас в ордене одевают. А еще под дождь на переходе попали. Предлагала же одежку у огня развесить. Но как же! Гордые! Хоть и нищие. Прошли мимо меня, точно я невидимый призрак.

– Разве к тебе обращались, Волюшка? – кучер развернулся всем телом. Уж очень ему хотелось поговорить, а тут слова не давали вставить. – Нет? Вот и молчи. Дай мужикам пообщаться.

– Ой, мужики! – хохотнула девица, присоединившаяся к кухаркам из «гражданского» обоза. – Один – мальчишка неопытный, второй – забывший, когда в последний раз бабу по–настоящему тискал.

– Гоната, уймись! Рот бы тебе поганый зашить, – кучер сплюнул, а я обернулась посмотреть на девушку – возможно одну из тех, о ком говорил Конд. Он же предупреждал о споре по соблазнению монаха?

– Рот зашить? Без работы меня оставить хочешь? – Гоната с вызовем вздернула аккуратный носик. Симпатичная, если бы не слой косметики, которую не смыла с вечера. – Приди еще ко мне со своим «давай по быстрому».

– Не слушай ее, – кучер пихнул меня плечом, – мы с тобой лучше о герцоге поговорим. А бабы пошумят и успокоятся.

Я придвинулась ближе к Ферду, чтобы не пропустить ни слова. «Бабы» же разошлись не на шутку, уже по сотому ра-

зу обыгрывая ехидные слова Гоната и обсмеивая сексуальные пристрастия чуть ли ни каждого воина славной армии герцога Э. Какие времена, такие и нравы. Да.

– Значит так, герцог у нас человек неплохой, – истопник придал своим словам вес, в очередной раз огладив усы. Делал он это основательно, неторопливо, поводя большим и указательным пальцами от носа до самого подбородка, что лишь на мгновение успокаивало буйную поросль. Но усы никак не хотели подчиняться и вновь топорщились, из–за чего истопник делался похожим на моржа. – Можно даже сказать, хозяин у нас хороший. Пусть он из рода узурпатора, отнявшего власть у нашего короля, но правильный. Кто из рыцарей безропотно пошел бы биться с тварями, от войны с которыми нет никакой выгоды, кроме боли и смерти? Герцогу бы уехать на Восток, где несметные богатства сами в руки текут – князьки сдают свои дворцы без боя, но он упорно выполняет грязную работу здесь. Брат велел защищать Рогуверд от всякой мерзопакостной дряни, вот Их Светлость и защищает.

– А кто брат нашего герцога? – о тварях расспрашивать не решилась, хотя было интересно узнать, как они выглядят и чем опасны. Но вдруг за те три дня, что Конд числился хронистом, с монстрами уже бились?

– Как кто? Сам император. По всем законам к нашему герцогу следовало бы обращаться «Ваше Высочество», поскольку он королевских кровей, но герцог не важничает. Сказал:

«Светлость я» и на этом все.

– Понятно, – кивнула я, усваивая новую информацию: Конд засунул меня в самую гущу врага. Кто поручится, что вчера меня пнул под зад не убийца прежнего короля?

– И не вздумай ничего плохого об императоре сказать. Вмиг головы лишишься. Из местных здесь только мы, да вот еще блудницы, – кучер кивнул на веселящуюся с товарками Гонату, – остальные сплошь чужаки. Они и с тобой обращаются как с вошью только потому, что все мы для них низшие. А они, стало быть, высшие.

Кучер опять сплюнул.

– Теперь понятно, кого нужно держаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.